Военные Приключения

ЕДИНСТВЕННЫЙ И ГЕСТАПО

ГЕОРГ БОРН

Военные приключения

Георг Борн

Единственный и гестапо (сборник)

«ВЕЧЕ»
1936

Борн Г.

Единственный и гестапо (сборник) / Г. Борн — «ВЕЧЕ», 1936 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-8444-9

Герои произведений, опубликованных в этой книге, очень разные люди и по жизненному опыту, и по взглядам. И мечты у них разные. Для Карла Штеффена смысл жизни заключается в том, чтобы ни в чем себе не отказывать, тайный советник Шнееветтер стремится любым путем внедрить в действительность свои мысли и идеи, а Фред Крамер просто мечтает вновь увидеть свою родину. Объединяет их одно – все трое живут в фашистской Германии и для достижения цели вынуждены либо подстраиваться под требования системы, либо бороться с ней. И то и другое смертельно опасно… В середине 1930-х годов критика называла опубликованные в этой книге повести «блестящими произведениями антифашистской литературы». Сегодня они возвращаются к читателю.

ISBN 978-5-4444-8444-9

© Борн Г., 1936
© ВЕЧЕ, 1936

Содержание

Единственный и гестапо[1] 6
1 6
2 13
3 18
4 24
5 32
6 37
7 43
8 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Георг Борн
Единственный и гестапо (сборник)

© Борн Г., наследники, 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Единственный и гестапо[1]

1

Эти записки пишутся в довольно необычных условиях, обеспечивающих мне, однако, достаточно свободного времени. При этом автор этих страниц не только борется со скукой, но ставит себе в то же время вполне конкретные задачи. В первую очередь автор считает своим священным долгом представить себя читателям.

Я – последовательный индивидуалист и чисто физиологически не выношу всего, что напоминает собою толпу, массу, коллектив. Когда я попадаю в места большого скопления людей, я чувствую приближение приступа морской болезни. Один запах пота чего стоит.

Я откровенно признаюсь, что единственной ценностью в мире считаю себя и люблю со стороны наблюдать за работой моего мозга, ощущать работу своих органов. Я люблю свое лицо и часто смотрюсь в зеркало. В этом, однако, нет ничего от нарциссизма.

Мне всегда делается смешно, когда меня спрашивают о моих убеждениях. Я должен категорически заявить, что никогда не был сторонником Третьей империи, но и не был ее врагом. Я в своей жизни не испытывал чувства политической вражды, так как у меня не было и нет политических убеждений, правильнее – у меня вообще нет убеждений. Я считаю, что для того, чтобы верить во что бы то ни было, необходимо страдать каким-то мозговым дефектом.

Наш земной шар представляет собой крошечный червивый орешек, продолжающий вертеться, пока его не расколют космические щипцы. Революции, войны, политическая борьба, происходящие на этом орешке, имеют не большее значение для мира, нежели возня муравьев для нас.

Далее, я не намерен пожертвовать хотя бы одним своим волосом во имя блага будущих поколений. Это сказки для дефективных детей.

Таким образом, для меня существует одна-единственная реальность – это я сам, Карл Штеффен, который должен получить максимум удовольствий в течение короткого периода, времени, называющегося человеческой жизнью. Максимум наслаждений, минимум страданий. Как это ни странно, подавляющее большинство людей этого не понимает и, вместо того чтобы жить, всю свою жизнь пытается провести блестящий шарик через игрушечный картонный лабиринт. Шарик постоянно проваливается; тогда встряхивают коробку и вновь начинают его катить, стремясь провести мимо отверстий. Меня больше всего возмущает, что даже большинство очень состоятельных людей не обладает талантом жить. Если бы я был богат, то сумел бы взять от жизни все лучшее.

Мне, однако, не повезло в этом отношении. Мой уважаемый родитель, очевидно, придерживался принципов, аналогичных моим, и весьма мало заботился о будущем своего потомства. Должен откровенно признаться, что мне помогла мировая война, заставшая меня студентом юридического факультета. Я с первого же момента понял, что окопы, пулеметы, взрывы – все это не соответствует моему пониманию жизни. Характерно, что это сознают очень многие, но,

[1] В журнальной публикации 1936 г. повесть предварялась следующим редакционным предисловием: «Название памфлета Георга Борна нуждается в разъяснении. Почему герой памфлета именует себя “единственным”? Откуда такой странный “титул”? Наименование это берет свое начало от заголовка книги известного теоретика анархизма Макса Штирнера, вышедшей в 1844 году, “Единственный и его собственность”. В своей книге Штирнер “философски” обосновывает проповедь самого необузданного эгоизма: “Что такое добро, что такое зло!.. Я – Единственный. Для Меня нет ничего выше Меня”. Буржуазная сущность эгоистической философии Штирнера разоблачена Марксом и Энгельсом в одной из первых работ зрелого марксизма – “Немецкой идеологии”. В памфлете Георга Борна красочно показано, прикрытием каких “идей” и устремлений является сейчас индивидуалистическая идеология в фашизированной, капиталистической Германии».

будучи лишены всякого воображения, не знают, как избавиться от прелестей войны. Дураки дают себе прострелить руку или ногу и с торжеством возвращаются домой, умные люди находят другие, менее болезненные, но более эффективные способы.

Годы войны я очень неплохо прожил в Швейцарии, Дании, Голландии, выполняя кое-какие поручения, называемые вульгарными людьми шпионажем. Я предпочитаю другой, более поэтический термин: война в темноте. Я убедился, что наслаждения, даваемые жизнью при наличии денег, никогда не были так интенсивны, как испытанные мною в нейтральных странах, вокруг которых бушевала война.

Что может быть приятнее вечера на террасе отеля над Женевским озером? Сидишь в удобном кресле после хорошего ужина, потягиваешь сигару и ждешь свидания с молоденькой курочкой. А в нескольких десятках километров грохочут орудия, валяются трупы, пахнет мертвечиной. Этот контраст заставлял меня острее и глубже наслаждаться всем тем, что жизнь дает человеку, имеющему деньги и умеющему ими пользоваться.

Я себе не сделал карьеры в качестве разведчика, так как всегда руководствовался принципом: лучше быть пять минут трусом, нежели всю жизнь покойником. Я предоставлял другим рискованные поездки во Францию и Италию и должен покаяться, что очень часто посылал своему начальству выдуманную мною самим информацию. В этом я не видел ничего плохого: ведь фантазия одаренного человека ничем не уступает действительности, а главное – ведь я регулярно продолжал получать деньги.

Война, к сожалению, довольно быстро окончилась, я вновь оказался на родине и притом совершенно без денег. Я никогда не берегу денег, так как с ужасом думаю о том, что я могу внезапно умереть, в то время как в моем бумажнике еще лежали бы не использованные мною несколько сот марок. Я бы себе этого никогда не простил.

Один из моих друзей помог мне найти работу в банке, но я там оставался недолго. Я берусь доказать любому социологу, что труд является противоестественным состоянием и совершенно неприемлем для сознательного человека.

Я прекрасно понимаю, что кто-то должен работать, но почему это должен делать обладающий только одной короткой жизнью? Работать должны люди, ни на что другое не способные, не умеющие жить и не чувствующие аромата жизни.

Ведь есть люди, у которых вкусовые бугорки на языке не ощущают вкуса устриц или шампанского; было бы нелепо тратить на них эти прекрасные вещи. Так же нелепо было бы кормить гурмана блюдами, которые любит всякий обыватель. Недаром говорили древние римляне: каждому свое.

Я очень уважаю людей, которые трудятся и, возможно, находят в этом удовольствие, – людей, которые довольствуются малым. Но бедный Штеффен любит устрицы и шампанское и терпеть не может запаха пота, в том числе и трудового. Да, Штеффен, ты всегда был эстетом и таким ты умрешь.

Конечно, проще всего брать деньги, так сказать, уже в препарированном виде – в чужом несгораемом шкафу или бумажнике. Только мещане могут видеть в этом что-либо постыдное. Но этот метод добывания денег имеет одну весьма неприятную сторону: рано или поздно приходится познакомиться с уголовной полицией, судебным следователем, тюремной камерой, где спят и портят воздух потеющие дураки. Наконец, чистка уборных, отвратительная похлебка – фу, какая гнусность!

Нет, я раз навсегда решил не вступать в открытый конфликт с уголовным кодексом. Кроме того, для одаренного человека открыты и другие пути. Существует много способов приобретать деньги: основная предпосылка – остроумие и наличие фантазии. Человеку, лишенному воображения, ничего, конечно, не остается другого, как быть честным тружеником.

Я прекрасно понимал, что в условиях милой Веймарской республики для того, чтобы чего-нибудь добиться, необходимо иметь визитную карточку с титулом доктора, видимость

профессии и, наконец, соответствующие конъюнктуре политические связи. Раньше всего я, конечно, позаботился о визитных карточках. Это стоит очень недорого, и через два дня на пергаментных карточках каллиграфическим почерком было выведено: «Д-р Карл Штеффен – корреспондент “Базлер нахрихтен”». По правде говоря, редакция базельской газеты вряд ли догадывалась, что бесплатно приобрела сотрудника, но от этого абсолютно ничто не изменилось.

Я должен сознаться, что до этого времени журналистикой не занимался, но был убежден, что моя работа в области «войны в темноте» (я уже упоминал, что терпеть не могу грубого слова «шпионаж», ассоциирующегося в моем мозгу с разными неприятными вещами вроде веревки, венсенского полигона и т. п.) являлась первоклассной школой журналистики.

Вооруженный монблановским пером с белой звездочкой, я явился в редакцию «Форвертса». В то время всякий разумный человек ставил на социал-демократическую лошадку – она была несомненным фаворитом. Откровенно говоря, я социал-демократов не люблю – они абсолютно лишены чувства юмора, которым вообще не блещет наш милый народ. Мало того что они чертовски скупы, они еще к тому же очень мелкокалиберны. Они могли превратить Германию в свое собственное финансовое предприятие, а вместо этого организовали акционерное общество для того, чтобы разделить ответственность, и в припадке трусости раздали столько акций, что сами не знали, у кого в портфеле контрольный пакет. В то время, однако, умный человек шел к «эспедэ».

В редакции меня встретили очень тепло, эти субъекты поняли, что человек с моими способностями и остроумием может им весьма пригодиться. Кроме того, у меня были с некоторыми социал-демократами точки соприкосновения во время войны, среди них изредка встречаются умные люди. В качестве сотрудника социал-демократических изданий я часто бывал у самых главных бонз, составлял для них интервью, воспевал таланты Германа Мюллера и мужество «маленького металлиста»[2] – словом, делал вещи, от которых можно было получить половое бессилие.

Конечно, на деньги, получаемые мною в редакции, я прожить не мог, даже если бы забыл о моем standard of life незабвенной эпохи войны.

Я вскоре все же нашел дополнительные источники доходов. Вообще я убедился, что на свете существует огромное количество тонкошерстных баранов, которых при наличии острых ножниц можно безболезненно стричь. Главное – побольше свежести мысли и поменьше рутины. Далее, как можно больше знакомств, но притом такого свойства, что ты о других все знаешь, а они о тебе – ничего. Необходимо так устраивать, чтобы о тебе не помнили, но когда ты подойдешь, то тебя приветствовали бы: «Как поживаете, милый доктор Штеффен?»

Очень полезны знакомства с молодыми иностранными дипломатами: у них обычно есть много денег и столько же трогательной наивности. Стоит, например, переписать на ундервуде несколько страниц из статьи, напечатанной в провинциальной газете, затем сфотографировать маленьким аппаратом – и вы найдете любителя, скажем, в польской миссии, который вам заплатит пятьдесят – сто марок.

За текст, выдуманный целиком, можно получить значительно больше. Еще Анатоль Франс заметил, что фальшивый документ несравненно более правдоподобен, нежели подлинный.

---

[2] «Маленьким металлистом» любил себя называть Карл Зеверинг (1.6.1875 – 23.7.1952), германский политический деятель; социал-демократ. Журналист. В 1907–1911 и с 1920 г. – депутат рейхстага, в 1919–1920 гг. – депутат Национального собрания. В годы Первой мировой войны стоял на шовинистических позициях. В 1920–1926 и 1930–1932 гг. возглавлял прусское, в 1928–1930 гг. – имперское министерство внутренних дел. После расстрела полицией первомайской демонстрации 1929 г. в Берлине добился запрещения пролетарского Союза красных фронтовиков. В годы фашистской диктатуры получал пенсию. После Второй мировой войны был членом ландтага западногерманской земли Северный Рейн – Вестфалия от Социал-демократической партии.

Весьма рентабельно также оказывать молодым дипломатам небольшие личные услуги, например, помогать им завязывать знакомство с дамами. При этом приходится конкурировать с так называемым отделом «Э» министерства иностранных дел, оказывающим дипломатам те же услуги, только в более широком масштабе.

Мне, однако, удавалось вносить в это дело элемент индивидуального обслуживания, свободного от сухого бюрократизма и способного учесть те или иные свойства конституции уважаемого клиента. Ведь вкусы и склонности бывают очень разнообразны.

Конечно, я пользовался десятками других методов добывания денег и прибегал к импровизированным комбинациям; все это, вместе взятое, давало мне возможность неплохо существовать.

Время от времени, однако, бывало необходимо на некоторый период покинуть берлинский асфальт. Тогда я отправлялся на один из фешенебельных курортов и в первый же вечер подвергал внимательному изучению книгу гостей.

Этот вид литературы заслуживает самого серьезного внимания и уважения. Я устанавливал, имеются ли на курорте жены фабрикантов, банкиров, помещиков, приехавшие без нежно любимых супругов. Предпочтение, конечно, необходимо отдавать провинциалкам – они непосредственнее и, главное, наивнее.

Эти сведения, смею заверить, отнюдь не лишены конкретного интереса. В первую очередь знакомство с дамами хорошего общества возвышающе действует на ум и сердце; кроме того, некоторые темпераментные дамы бывают щедры.

Если же оказывалось, что я слишком поздно приехал и контакт уже не мог быть установлен, то я старался так организовать свои прогулки, чтобы при помощи миниатюрного фотографического аппарата получить несколько очаровательных снимков, могущих представить интерес для уважаемого супруга.

Я, конечно, достаточно джентльмен, чтобы не показать этих фотографий мужу, тем более что в девяносто девяти случаях из ста имеется риск не получить от мужа ни пфеннига. Гораздо тактичнее и целесообразнее уступить снимок самой даме, готовой иногда заплатить несколько сот марок за трогательную иллюстрацию к «Павлу и Виргинии». Разумеется, цена зависит от степени сходства, романтичности снимка, характера супруга и содержимого кошелька.

Я при этом категорически возражаю против термина «шантажист», это слово звучит грубо и некрасиво. Речь идет, разумеется, не о шантаже, но о своеобразном спорте, удачно разыгранной шутке, не имеющей никаких последствий.

Это, конечно, не единственный способ стрижки мериносовых овец. Главное – разнообразие и свежесть мысли; там, где нет движения, – застой и гниение.

Бывали у меня, естественно, и трудные моменты, когда какое-либо предприятие срывалось и я оказывался временно на мели.

В одну из таких острых минут я с приятелем Георгом отправился в романтическое путешествие в Южную Америку. Откровенно говоря, слово «романтическое» в этом случае может быть применено только ради красоты стиля.

Мы с Георгом искали не приключений, а денег, и у нас был разработан план довольно меркантильного характера. Мы хотели проверить, действительно ли так глупы немецкие колонисты, как о них рассказывают.

Идею подал Георг, но он представлял себе это предприятие в стиле О'Генри, то есть мелкого вульгарного жульничества, к которому я, кстати, питаю непреодолимое отвращение. Я подхватил идею Георга и дал ей рациональное оформление.

В первую очередь у знакомого типографа мы заказали несколько пачек больших бланков и квитанционных книжек; все это на плотной блестящей бумаге. На бланках и книжках были воспроизведены разнообразные надписи вроде: «Союз верных родине западных пруссаков», «Общество помощи вюртембергским сиротам», «Союз друзей Тюрингии» и т. д. Одно-

временно мы, естественно, запаслись коллекцией самых разнообразных визитных карточек большого формата (все маленькое вызывает у крестьянина недоверие).

Я должен, впрочем, с полной объективностью признать, что рассказы о легендарной глупости моих южноамериканских соотечественников оказались сильно преувеличенными и мне не раз приходилось напрягать свои комбинаторские способности, чтобы добиться хотя бы скромных результатов.

Начали мы с Бразилии, но там у нас как-то ничего толком не получалось, и мы с трудом покрывали свои расходы. Не знаю, чем объяснить это: климатом ли, недостаточной ли степенью отупения колонистов, нашей ли неопытностью, но, как бы то ни было, мы убедились, что в Бразилии нам нечего больше терять времени, и направили свои стопы в Аргентину. Возможно, известную роль сыграл опыт, накопленный нами, но, во всяком случае, мы удивительно быстро акклиматизировались в этой стране и в течение некоторого времени процветали.

В основе нашей деятельности лежал следующий принцип: колонисты, выехавшие из Германии, а в особенности их дети и внуки, быстро отрываются от родины. Нашим долгом является поэтому восстановить эти прерванные нити, заставить вспомнить о родине и прослезиться. Этим делом, правда, занимаются всевозможные организации, в особенности «Союз немцев за границей», но в те годы и для частной инициативы было открыто широкое поле деятельности.

Методы нашей работы сводились к следующему: в первую очередь мы устанавливали, выходцами из какой германской области являются жители данного поселка. Соответственно этому мы подбирали визитные карточки, бланки и квитанционные книжки.

Мы попадаем в поселок, жители которого лет сорок – пятьдесят назад покинули Тюрингию. В первую очередь необходимо нанести визит господину пастору. Ведем в течение часа благочестивые разговоры, вспоминаем родную Тюрингию. Расспрашиваем пастора, сохранила ли его паства привязанность к родине, подчеркиваем, что в Германии знают о высокополезной деятельности господина пастора.

Собственно, больше говорю я, Георг же обладает талантом внушительно молчать. Зато когда он заговорит, то несет обычно удивительную галиматью. Словом, пастор внимательно слушает, Георг величественно молчит, а я перехожу к «Обществу друзей старой Тюрингии», рассказываю, как оно заботится о своих братьях, живущих за океаном, как оно посылает им диапозитивы, альбомы, журналы, книги.

Для того чтобы пользоваться всеми этими благами, необходимо лишь записаться в члены общества. Кстати, лица духовного звания освобождаются от вступительного и дальнейших взносов. Немедленно вслед за этим записываю пастора в почетные члены «Общества друзей старой Тюрингии».

Беседа заканчивается, пастор надевает шляпу, берет палку, и мы направляемся к местным нотаблям. Нас там хорошо встречают, недурно кормят.

Разговоры обычно одни и те же: «Как живется в Германии?», «Что нового в Тюрингии?», изредка спрашивают, жив ли император.

Пользуясь подходящей паузой, я перехожу к «Обществу друзей старой Тюрингии». Когда дело доходит до записи в действительные члены общества, я начинаю строго допрашивать, является ли данный субъект потомком уроженца Тюрингии, не женат ли он на иностранке. Немедленно после этого появляются ветхие метрические свидетельства, матрикулярные выписки, я все это внимательно осматриваю. Некоторых удивляет высота вступительного взноса.

Объясняю, что в дальнейшем ежегодно придется платить пустяки, кроме того, альбомы и прочее обойдутся обществу втрое больше, чем сумма, полученная здесь нами. Наконец, для тех, кто не может заплатить вступительного взноса, существует категория членов-соревнователей. Наше общество открывает доступ в свою организацию и беднякам. Слово «бедняки» зву-

чит для уха наших собеседников как пощечина, на столе появляются деньги, желающих записаться в члены-соревнователи нет. Георг вынимает из портфеля огромных размеров бумажник и аккуратно помещает туда деньги (достаточно положить членские взносы в свой боковой карман, чтобы в недоверчивые мужицкие мозги запало подозрение).

Мы тщательно выписываем квитанции, заставляем неофитов расписаться на них, затем просим пастора заверить подписи. Потом все присутствующие расписываются на бланке общества. Мы просим несколько фотографий для нашего журнала. Обычно в течение нескольких часов операция заканчивается, иногда все же, в особенности в больших поселках, приходится переносить ее на следующий день.

Спим мы в самом лучшем доме, на мягких перинах, задыхаясь от жары и духоты. Случается, что нас убеждают остаться до воскресенья. В черных костюмах и с перчатками в руках мы присутствуем на богослужении, авторитетно хвалим проповедь пастора.

Наконец нас провожают; мы обещаем через несколько недель выслать альбомы и диапозитивы. Одна мамаша просит обязательно послать ей стакан, на котором изображен тюрингенский ландшафт, у Мюллеров такой стоит на этажерке. Я, конечно, прекрасно помню этот стакан, и мамаша получит точную копию его.

В следующей деревне меняются бланки и визитные карточки, но идея остается той же. Иногда, впрочем, бывают и неприятные осложнения. Раз приезжаем мы вечером в село, идем к пастору, он принимает нас очень холодно. Я завожу разговор о родном старом Рейне. Пастор что-то бурчит и вдруг на чистейшем баварском диалекте предлагает нам убираться, он не потерпит в своем доме прусских свиней.

Нас, оказывается, неправильно информировали: мы попали не к выходцам из Рейнской области, но к баварцам, и притом баварцам-протестантам; такое невезение редко когда случается.

Или в другом месте. Все идет благополучно. Мы сидим в домике у толстого старика с отвислым носом, похожим на лиловую сливу, и длинной фарфоровой зловонной трубкой. Он отвинчивает нижнюю часть трубки, выливает натекшую туда слюну, опять привинчивает. При этом он и его домочадцы внимательно слушают мои сентенции. Вдруг старик показывает пальцем на Георга и заявляет – еврей.

Все наши доводы и аргументы не действуют. Георг не еврей, он чистокровный немец, но у него темные волосы и черные глаза. Надо уезжать из колонии – проклятый старик испортил нам дело…

Так проходит несколько недель; благодаря тому, что негде тратить, а также в силу нашего положения, диктующего нравственный образ жизни, у нас накопляется довольно много денег. Мы делим выручку пополам, руководясь принципом, что никто сам себя не обманет. Георг и я уже начинаем мечтать о развлечениях, которые мы себе организуем в первом большом городе.

Я целиком убежден в том, что наше предприятие носит совершенно безобидный характер, я сказал бы даже, что оно может быть названо национально полезным. Ведь мы пробуждаем у наших заграничных соотечественников интерес к родине: мы рисуем им картины родных мест. Потом они полгода будут ждать обещанных журналов и альбомов. Они их не получат и начнут писать запросы в Германию. Другими словами, установится живая связь с родиной. Что касается финансовой стороны предприятия, то ни одному человеку нами не был нанесен чувствительный ущерб, мы были справедливы и не создали почвы для споров и дрязг.

Наше предприятие, однако, неожиданно потерпело крушение из-за осла Георга: он напился и начал в кабачке демонстрировать наши бланки и квитанционные книжки.

Полиция приняла нас за подозрительных иностранцев и в ускоренном порядке выслала нас из Аргентины.

Мы с Георгом окончательно разругались, когда выяснилось, что у него при обыске кто-то незаметно изъял почти все деньги. Георг предлагал вновь делиться. Я ему дал деньги на проезд до Гамбурга и послал его к черту: дураков нужно учить и воспитывать.

2

Итак, я опять в Берлине. В первую очередь опубликовываю серию фельетонов о Южной Америке. Получается очень удачно, и я вновь возвращаюсь к журналистской деятельности. Вскоре я добиваюсь репутации талантливого журналиста и получаю неплохое предложение от социал-демократического агентства отправиться в качестве его корреспондента в Женеву.

Я во второй раз в Швейцарии, на этот раз, увы, в качестве скромного журналиста с довольно тощим кошельком.

В течение некоторого времени я увлекался своей работой. Убедился, что обладаю качествами первоклассного фельетониста, в частности одним очень редким – юмором.

Мои женевские корреспонденции пользовались успехом, и я начал приобретать имя.

Этот идиллический период моей жизни продолжался недолго. В первую очередь, мне надоело писать по заказу, во-вторых, я органически не приспособлен к жизни бедного, но честного журналиста. Я не могу без конца обедать в дешевых ресторанах, жить в маленьких неудобных отелях, ухаживать за номерантками и кельнершами.

Я стал искать дополнительных источников дохода; в результате в берлинских и венских революверных газетах появились корреспонденции из Женевы с таинственным знаком вместо подписи. Редакции этих газет были довольны моей литературной продукцией и платили гораздо щедрее, нежели скупое социал-демократическое агентство. Мои акции начали быстро повышаться, и я почувствовал себя полноценным человеком.

Работа для революверных газет, дающая возможность широко пользоваться воображением, имеет и неприятную сторону: она требует постоянно новых сенсаций, и притом обязательно персонального свойства. Должен признаться, что это вполне соответствовало моим личным вкусам: я не знаю более занимательного спорта, как издевательство над людьми. Что может быть приятнее, как изобразить в качестве дурака уважаемого и почтенного человека, рассказать несколько интимных анекдотов из его личной жизни, сделать его смешным при помощи двусмысленных намеков!

В течение нескольких месяцев я доставил много неприятностей ряду довольно известных людей. Как-то раз я напоил до бесчувствия одного крупного германского чиновника и потом опубликовал беседу с ним в «Нейес винер журналь». Эта беседа стоила бедняге карьеры.

В один прекрасный день мне пришла в голову забавная идея, сочетавшая приятное с полезным. Дело в том, что один из руководящих чиновников секретариата Лиги Наций относился ко мне не только пренебрежительно, но даже грубо: стоило ему увидеть меня в группе журналистов, как неизменно следовал вопрос: «Вы тоже здесь, господин э… э… э… да, верно, господин Штеффен?» Я решил доставить ему несколько неприятных минут и в то же время получить интересный материал для газеты.

Узнав, что мой враг в отъезде, я являюсь к его супруге. С огорчением слышу, что господина помощника секретаря нет в Женеве. Собиралось уходить, но не спешу, осторожно делаю комплименты отсутствующему супругу, а потом и мадам. Для меня не секрет, что мадам является нимфой Эгерией своего мужа. Она смущенно опускает глаза. И уверяет, что все это очень преувеличенно, правда, муж считается с ее советами. Тогда я удивляюсь, как мадам сочетает такую очаровательную внешность с разносторонними политическими способностями.

Я давно убедился, что лесть не может быть никогда чрезмерно грубой; большинство людей этого не знают.

Словом, мадам тает, завязывается оживленный разговор, в котором моя собеседница берет на себя инициативу, я лишь подаю реплики и время от времени задаю вопросы…

– Да, Н. отвратительный человек, он алкоголик и развратник, он доставляет моему мужу одни лишь неприятности… Знаете, я, откровенно говоря, терпеть не могу немцев, мой муж тоже… Ради бога, простите я забыла, что вы немец.

– Что вы, я совершенно не обижен.

– А знаете, господин Штеффен, что К. за казенный счет оплачивает жиголо[3] для своей супруги, ему приходится дорого платить, так как не всякий жиголо согласится танцевать с такой уродиной.

– Ха-ха-ха! Зато с вами, мадам, любой жиголо будет танцевать весь вечер бесплатно.

– Перестаньте говорить глупости, я уже старуха, мне тридцать два года.

От этого заявления я цепенею, но быстро прихожу в себя.

Через несколько дней «Нейес винер журналь» поместил интервью с откровенной дамой со всеми именами, подробностями и моими комментариями. Вышел крупный скандал. Немедленно выявилось мое авторство, и вскоре я получил письмо от социал-демократического агентства, в котором лаконически сообщалось, что я больше не являюсь его представителем.

Больше мне в Женеве нечего было делать, так как без корреспондентской карточки солидного агентства или газеты я оказывался за бортом. Пришлось вернуться в Берлин…

Вскоре я начал эпизодически сотрудничать в ряде газет, но главным образом в пацифистской «Вельт ам монтаг».

Ее редактор фон Герлах очень ценил мои фельетоны за язвительный и хлесткий стиль и остроумные идеи.

В один прекрасный день мне пришла в голову мысль проинтервьюировать национал-социалистских вождей, в первую очередь, конечно, Адольфа Гитлера. В то время я очень низко расценивал потенции этих людей и решил над ними поиздеваться.

Еду в Мюнхен, являюсь к личному секретарю фюрера Ганфштэнгелю – сыну известного мюнхенского издателя.

Ганфштэнгель меня внимательно выслушивает, смотря сверху вниз; я сам не обижен ростом, но этот издательский сынок совсем великан.

Неожиданно он предлагает мне проехаться с ним по городу. Я изумлен и немного обеспокоен.

Машина останавливается у небольшой загородной виллы. Ганфштэнгель просит меня сопровождать его. Мы входим в кабинет, стены которого покрыты всевозможными диаграммами и изображениями черепов. В кресле сидит сухой старичок несомненно профессорской внешности, голова его покрыта странным желтым пухом, очки висят на кончике носа, в глазах маниакальное выражение!

Мой спутник отводит старичка в сторону, что-то ему шепчет на ухо. Профессор кивает, оживляется, подводит меня к окну, поворачивает меня в равные стороны, ощупывает мой лоб и затылок. Затем он усаживает меня на круглый вращающийся стул и тщательно измеряет мой череп металлическим раздвижным треугольником. При этом он мне дышит в лицо, сопит и записывает в блокнот какие-то цифры.

Закончив эту операцию, старичок мелкими шажками бежит к стене и вытирает носом пыль со своих диаграмм.

Возвращается ко мне, опять щупает мою голову и, наконец, торжественно провозглашает:

– Ариец, я гарантирую это. У него прекрасный северогерманский череп.

Ганфштэнгель благодарит профессора, и мы опять в автомобиле.

– Видите ли, – поясняет мой спутник, – фюрер принимает только арийцев, и мы всех малознакомых людей предварительно проверяем.

Я испытываю чувство тихой радости: у меня уже есть хорошее начало для интервью.

---

[3] Жиголо – платный танцор в кафе и ресторанах.

Я в кабинете у фюрера, меня гипнотизируют его чаплиновские усики, но я быстро справляюсь с собой и приступаю к интервью. Сначала трафаретные вопросы:

– Как вы относитесь к Версальскому договору?

– Какого вы мнения о Штреземане?

Вскоре я прекращаю вопросы, так как вижу, что он меня не слушает. Он забыл, что в огромной комнате, кроме него и меня, никого нет, и говорит громко, жестикулируя, как на митинге.

Фюрер пристально смотрит на край потолка и, по-видимому, довольно туманно представляет себе, где он находится.

Я пытаюсь перенять инициативу и остановить поток, грозящий меня затопить, задаю вопросы, кашляю; все напрасно, фюрер меня не слышит и не видит. Усаживаюсь поудобнее в кресло, закуриваю папиросу, начинаю дремать.

Наконец голос стихает, фюрер садится в кресло, спектакль закончен.

– Разрешите мне перейти к вопросам, касающимся вашей личности, приковывающей к себе внимание самых широких кругов. Любите ли вы искусство?

– Да, я художник-архитектор.

Вслед за этим следует буря обвинений и ругательств по адресу дипломированных художников, в особенности достается Максу Либерману.

Я спокойно ожидаю, пока буря уляжется.

– Любите ли вы музыку?

– Я без нее не могу жить.

– Нравится ли вам траурный марш Бизе?

– Да, очень!

– А «Трубадур» Шопена?

– Нет, я его меньше люблю.

Интервью идет дальше в том же стиле.

Через три дня фюрер в бешенстве бегает по своему кабинету, ударяя себя по ноге плеткой. Публика в кафе не только в Берлине, но и в Мюнхене с удовольствием читает мое интервью, в особенности его музыкальную часть.

Мне передают, что фюрер обещал в свое время повесить меня.

Брать интервью у Геббельса я не пытаюсь: берлинский вождь национал-социалистов слишком хитер для этого; зато в провинции живет его мамаша.

Через несколько дней я в мещанской гостиной. Стены увешаны фотографиями в рамках, картинками на стекле, диван с высокой спинкой, на ней фарфоровые слоны, молящаяся девочка. На столе искусственные цветы.

Мамаша подводит меня к фотографии, изображающей смуглого курчавого мальчика с тонкой шеей и длинным носом.

– Это мой Иозеф – он всегда был красавчик.

– Скажите, госпожа Геббельс, не принимали ли его в школе ребята за еврейского мальчика?

– Представьте себе, что да, поэтому он играл с детьми евреев, а потом, когда стал студентом, он почему-то их возненавидел.

Далее следуют рассказы о милых шалостях маленького Иозефа, о том, что он любил играть с животными и несколько раз вешал кошек и собак.

Интервью с госпожой Геббельс имело успех. Мамаша, однако, забыла сказать мне, как злопамятен и мстителен ее сын. В те времена, когда я опубликовывал эти интервью, я не знал, что совершаю грубую ошибку. Я не предполагал, что через несколько лет мои остроумные фельетоны доставят мне крупные неприятности…

Так я жил в эпоху Веймарской республики, которую очень многие несправедливо обвиняют во всех смертных грехах.

Я честно признаюсь, что для меня Веймарская республика отнюдь не была мачехой. Она имела лишь один недостаток – она была недолговечна.

Главным ее несчастьем была нестерпимая скука. Ее вожди забыли, что древние римляне рекомендовали давать толпе хлеб и зрелища. Веймарская республика хлеба дать не могла, но зрелищ при желании – сколько угодно: парады, фейерверки, факельные шествия.

И вместо всего этого – ничего. Скука и однообразие.

Я повел бы всех этих Мюллеров и Брюннингов к президентскому дворцу, там они увидели бы, как сотни людей ждут у ворот по два часа смены караула. Надо видеть, с каким тупым любопытством эти люди глядят на нескольких солдат в касках, марширующих по двору.

Или разве не поучительна другая картина: по улице идут восемь – десять (иногда и четыре) солдат рейхсвера, а за ними в ногу маршируют люди в штатском в возрасте от десяти до шестидесяти лет. Ни одно правительство Веймарской республики не догадалось дать массам зрелища и развлечения.

Я еще давно пришел к выводу, что Германию ждут забавные вещи. Я коренной немец, но должен признаться, что не питаю особой симпатии к своим соотечественникам. Я уже отмечал, что полное отсутствие у них юмора граничит с национальным бедствием.

Немец по своей природе в девяносто девяти случаях из ста – классный наставник и всегда должен кого-либо обучать хорошим манерам и образцовому поведению. Не напрасно туземцы в колониях питают к немцам несравненно большую ненависть, чем к англичанам и французам. Немец в колониях стремится не только выжать из туземца все возможное, но он еще считает своим долгом сделать из него «приличного человека». Он заставит туземца натирать мелом пуговицы, носить ремень с пряжкой, то есть окончательно отравит ему существование.

Да, я недурно знаю своих соотечественников и не хотел бы попасть к ним в руки, когда они агрессивно настроены…

Я еще в 1930 году пришел к убеждению, что благонамеренная Веймарская республика вылетит в трубу. Ее наследниками могут быть только коммунисты и национал-социалисты.

Штеффен, необходимо подумать о перестраховке!

Я попытался обзавестись некоторыми друзьями среди коммунистов. Они должны были хорошо отнестись к леворадикальному интеллигенту, над всем издевающемуся, имеющему острое перо и хорошо привешенный язык.

Эти мои расчеты, однако, не оправдались, и коммунисты проявили в отношении меня холодность, граничащую с грубостью. Когда я предложил сотрудничать в их газетах, они мне заявили, что не пользуются услугами гастролеров.

Пришлось плюнуть на это дело.

Позже я узнал, что коммунисты считали меня провокатором. Это значило, что в случае революции в Германии мне придется распрощаться с любимой родиной.

Коммунисты слишком серьезный народ, и это им во многом мешает. Например, я мог бы им быть весьма полезен, они же меня отбросили. Не могу сказать, чтобы революция потеряла во мне горячего энтузиаста, но я человек, свободный от предрассудков.

В то же время я приобрел много знакомых среди леворадикальных интеллигентов, группировавшихся вокруг «Вельтбюне» и «Тагебух». Я сумел произвести недурное впечатление на Карла фон Оссецкого, и он меня довольно часто печатал. В этих людях мне нравилось то, что они критиковали и ругали все и всех: рейхсвер и социал-демократов, суд и театр – словом, все. Многие из них считали себя левее коммунистов и критиковали политику большевиков в России. Но кого наши пацифисты по-настоящему ненавидели – это генералов с Бендлерштрассе и испортили им немало крови. Особенно отличался на этом поприще некий Людвиг Арнольд

– «гроза рейхсвера», как его в шутку называли друзья. Лично я с ним знаком не был, так как Арнольд обычно прятался у себя дома и корпел над своими разоблачительными статьями.

Вскоре я, однако, понял, что к финишу идут национал-социалисты. Я поэтому попробовал возобновить старое знакомство с людьми из организации «Консул», «Олимпия», с майором Бухом, с Шульцем, прозванным «убийцей». Но все эти люди лишь примыкали к национал-социалистам и не играли решающей роли.

Вскоре я установил, что мои дурацкие интервью не забыты и что, в случае чего, меня могут вздернуть. Да, я все больше каялся в своем нелепом легкомыслии. Но ведь в те годы Гитлер и его люди играли роль комических персонажей, и кто мог ожидать, что мои уважаемые соотечественники увидят в нем спасителя и мессию?

Я очень много узнал о национал-социалистах от людей, отколовшихся от Гитлера, Стенеса и других. Национал-социалисты в большинстве своем педерасты, садисты и вообще извращенцы, но они далеко пойдут. Германию ждут веселые времена…

Прошел 1932 год, последний год Веймарской республики. Теперь я, как честный человек, не могу сказать о ней ничего плохого: она была скучная, но добродушная и доступная дама; мне на нее не приходилось жаловаться. Конечно, мне не всегда удавалось удовлетворять все свои потребности, но ведь Веймарская республика не была виновата в том, что их у меня так много. Да будет ей земля пухом.

3

27 февраля я вечером прохожу по Унтер-ден-Линден вблизи Рейхстага, вижу дым, сотни штурмовиков; грузовики с полицейскими. Я немедленно соображаю, чем это пахнет. Мой мозговой аппарат функционирует очень неплохо и – главное – быстро. Я неглупо сделал, что еще два месяца назад запасся заграничным паспортом.

В ту же ночь я сижу в вагоне поезда, мчащегося в Голландию. Я, конечно, не противник Третьей империи и всегда готов ей быть полезным, но бывают моменты, когда умный человек предпочитает отойти в сторону. Я терпеть не могу острых ощущений и не имею никакого желания попасть под пулю или даже дубинку и прекрасно помню о своих фельетонах.

Сижу в мягком кресле и с удовлетворением думаю о том, что поезд уносит из Германии единственно ценное, что в ней есть, – вашего покорного слугу, умеющего жить и, следовательно, имеющего право на жизнь.

Оглядываю купе. Все мои спутники относятся к категории обычных безобидных пассажиров. Напротив меня сидит довольно хорошенькая молодая женщина, она бросает на меня внимательный взгляд. Я не теряю напрасно времени и касаюсь носком ботинка ее туфли. Ответный сигнал звучит положительно. Сосед дамы, по всей вероятности муж, замечает мой невинный маневр и предлагает ей обменяться с ним местами.

Ничего другого не остается, как заснуть, устроившись поудобнее в углу.

Мы приближаемся к границе, в вагон входят несколько штурмовиков с карабинами, очевидно, в Берлине произошло что-то серьезное; я вовремя выбрался. Мне приходит в голову тревожная мысль, не задержат ли меня; нет, ерунда, откуда меня могут знать штурмовики на границе? Неожиданно меня осеняет блестящая идея. Выхожу из купе в коридор, подхожу к одному из штурмовиков и тихо говорю ему, что в купе напротив меня сидит известный коммунист. После этого я возвращаюсь и спокойно сажусь на свое место. Через две-три минуты в купе входят штурмовики; они требуют паспорта и внимательно их обнюхивают. Протягиваю свой паспорт, после беглого осмотра получаю его обратно. Наступает очередь ревнивого мужа, он не ожидает предстоящих ему неприятностей и совершенно спокоен.

– Вы арестованы.

Совершенно потрясенный, ревнивый муж начинает доказывать, что он едет с женой на курорт. Штурмовик предлагает ему заткнуться и тащит его за плечо из купе. Потом он вспоминает о женщине и предлагает ей тоже выйти из вагона. Слезы.

Этой возможности я не предвидел; как, однако, сложна и многогранна жизнь! Мой маневр дал мизерные результаты, доброжелательное отношение ко мне штурмовика, освобождение двух мест в купе. Мой роман, однако, срывается… Меня все же радует, что, несмотря на свои сорок лет, я сохранил пылкость и склонность к романтическим приключениям.

Воображаю, как этот оригинал изумлен происшедшим с ним. Боюсь, что штурмовики доставят ему несколько неприятных часов, а то, пожалуй, и недель.

Вот что значит судьба человека! Ты, Штеффен, явился орудием судьбы. Все это очень забавно.

Но вот появляются голландские таможенные чиновники.

Стереотипные вопросы: папиросы есть? Шелковые ткани есть?

Я приветствую в лице толстых чиновников уютную, милую Голландию, где можно отдохнуть лучше, чем где бы то ни было в мире.

Кстати, совершенно напрасно оклеветали голландских женщин. У меня на этот счет есть собственное мнение.

Я смотрю в окно – однообразный культурный ландшафт.

Начинает идти дождь. В купе входят местные аборигены.

Один из них, старичок в золотом пенсне, с розовыми щечками и маленькими голубыми глазками, спрашивает меня:

– Что происходит у вас в Германии?

Я отвечаю:

– Бедлам.

Монотонный стук колес настраивает меня на минорный лад. Я вспоминаю, что у меня в бумажнике около пятисот марок, хватит на месяц-полтора, в лучшем случае. Печально. Впрочем, там будет видно. Главное – попасть в крупный европейский центр, где имеет смысл создать себе репутацию политического эмигранта. Теперь нельзя терять времени, так как скоро нахлынет волна эмиграции…

Я останавливаюсь в Лондоне, вспоминаю, что у меня там есть знакомый – бывший секретарь британского посольства в Берлине, которому я оказывал небольшие услуги.

В Лондоне я быстро акклиматизируюсь, тем более что я там уже два раза был.

Постепенно начинают пачками появляться эмигранты, это главным образом социал-демократы и пацифисты. Из газет и от них я узнаю подробности об арестах в Германии.

Несомненно, мне влетело бы, если бы я своевременно не удрал.

Вскоре встречаю знакомых; на их вопросы, как я попал в Лондон, я таинственно оглядываюсь, затем шепотом рассказываю, как на другой день после поджога Рейхстага в мою квартиру вломились штурмовики, как я выбрался через кухню, сбив с ног полицейского. Далее следует описание путешествия в товарном вагоне, куда меня спрятал спасший меня железнодорожный служащий; нелегальный переход границы с выстрелами вдогонку.

Мне пожимают руку, поздравляют со спасением, никто не сомневается в достоверности моего рассказа.

Я обладаю логической фантазией и способностью верить в придуманную мною же легенду. Я ясно видел сцены своего мнимого бегства, угрожавшую мне опасность.

По существу, логическая выдумка гораздо убедительнее действительности. Я даже считаю, что выдуманное событие не менее реально, нежели действительно происшедшее.

Если сентиментальные люди могут плакать над страданиями героев романа или фильма, то почему я не могу верить своей собственной выдумке?

Вскоре я приобрел среди лондонских эмигрантов некоторую популярность, хотя кое-кто относился ко мне недоверчиво. Благодаря моей репутации горячего антифашиста, а также тому, что я принадлежал к эмигрантской группе первого призыва, ко мне обращались многие новички за советом и помощью. Все это было очень утешительно и трогательно, но, откровенно говоря, я не испытывал ни малейшего желания засиживаться на тощей эмигрантской диете.

Я прекрасно понимаю, что убежденные люди, подобно библейским пророкам, могут питаться идеями, акридами и прочими сомнительными блюдами, я же – Карл Штеффен – нуждаюсь в совершенно другом. Перспектива существовать на жалкое пособие, выдаваемое журналистской организацией, и на нищенские гонорары эмигрантских изданий меня очень мало устраивала.

Прошло несколько месяцев, и я пришел к выводу, что необходимо принять то или иное решение.

Сначала у меня мелькнула мысль о возвращении в Германию. Теперь самый опасный для меня момент прошел, я мог предложить свои услуги Геббельсу.

Я бы ему сказал: «Мой маленький Иозеф, ты теперь великий человек, а я жалкий журналист, но многие вещи мы одинаково понимаем; разница в том, что ты поставил на хорошую лошадку, я же не играл на тотализаторе. Мы оба нравимся женщинам, я импонирую им своей внешностью и силой, а ты чем-то другим, заставляющим женщин любить уродов. У тебя, впрочем, сильный голос, а на женщин это действует как вторичный половой признак».

Я уверен, что Геббельс ответил бы мне: «Ты, Штеффен, большой нахал, и я помню твои обезьяньи штучки, но мои журналисты со свастикой на рукаве так бесконечно тупы. Ты, Штеффен, мне пригодишься». Да, мы договорились бы с министром пропаганды, но я все же пока в Германию не поеду.

Пока вы, господин министр, примете меня, я могу попасть в руки полиции или СА, а они, как известно, отличаются от вас полным отсутствием юмора. Нет, мне не улыбается перспектива провести в концентрационном лагере месяца два-три. Мы отложим наш разговор до более благоприятного времени. Мы будем по-разному полезны нашей дорогой родине.

Мне кажется, я мог бы поговорить и с прусским министр-президентом – Герингом.

Я бы ему сказал: «Мой дорогой большой Герман, ты старый боевой летчик, а я друг мирных наслаждений; но ведь и ты в свободное от боев время умел неплохо пожить. Ты убежденный национал-социалист, а я убежденный противник убеждений. Мы все же друг друга поймем, и я тебе смогу быть полезен в твоем гестапо. Я знаю, у тебя там есть ребята, недурно ломающие ребра, но у тебя мало таких одаренных людей, как я. Ведь я могу составить любой документ, придумать любую комбинацию. Ты ведь понимаешь в этом деле толк, не правда ли? Мы с тобой сработаемся. Но я все-таки в Германию не поеду; в твоем аппарате, господин министр полиции, иногда бывают недоразумения, а я их всегда не мог терпеть. Ты понимаешь, о чем я говорю. Мы отложим нашу беседу, господин министр авиации».

Так, мысленно беседуя с двумя министрами, я решил, что останусь пока вдалеке от обожаемой родины. Но ведь в то же время я – германский гражданин, желающий хотя бы символически приблизиться к своей родной стране. Я часто прохожу мимо германского посольства, здание которого является частью германской территории.

Я не вижу ничего плохого в посещении этого здания с медной табличкой и орлом на дверях. Конечно, никто из моих друзей не должен меня встретить, они ведь настолько примитивны, что могут ошибочно истолковать мой визит.

Я звоню в дверь посольства. Меня впускают.

– Вы по какому делу?

– Личному.

– К кому?

– К послу.

– Господин посол не принимает незнакомых людей.

– Тогда проведите меня к консулу.

Появляется еще одна личность, на физиономии которой запечатлен многолетний стаж службы в полиции. Портье отводит его в сторону и что-то ему шепчет. Личность исчезает, через две минуты возвращается и просит меня следовать за ним.

Я в кабинете у неизвестного мне чиновника с самой заурядной внешностью. Осматриваю комнату – ничего заслуживающего внимания.

– Кто вы по национальности? Когда уехали из Германии? Почему? Чем здесь занимаетесь?

Я прерываю любознательного чиновника и замечаю, что так мы ни до чего не договоримся. В случае необходимости я тоже сумею задать два десятка вопросов.

– Дело не в этом, я хочу быть полезным своей родине, и мне необходимо побеседовать на эту тему с компетентным человеком.

Чиновник удивлен и немного растерян. Он привык к тому пиетету, который окружает посольства и консульства. Бедняга не подозревал, с какой птицей он имеет дело.

Чиновник нажимает кнопку на столе. Появляется полицейская личность.

– Проведите этого господина в семнадцатую комнату.

Мой новый собеседник приглашает меня сесть, угощает папиросами. Я благодарю, но объясняю, что курю только сигары. Появляется коробка сигар.

– Ваша фамилия, кажется, господин Штеффен? Мне передавали, что вы хотите быть нам полезным? Что вы под этим, собственно говоря, подразумеваете?

– Откуда же я могу знать, что вы считаете для себя полезным? Я считал своим долгом сообщить о своей готовности оказать услугу родине, конкретизировать же должны вы.

Мой собеседник несколько удивлен и бросает на меня колючий взгляд. Я невинно смотрю ему в переносицу, это очень удобный способ.

– Скажите, господин Штеффен, много ли у вас знакомых среди эмигрантов? С кем вы близки?

– Простите, милостивый государь, – деликатно перебиваю я, – этот метод стар как мир. Вы мне через несколько минут предложите составить список моих знакомых. Потом я познакомлю с кем-нибудь из них одного из ваших друзей. Вы мне дадите пять фунтов стерлингов. Еще через месяц прикажете швейцару не впускать меня. Нет, на такой базе мы не сговоримся. Я хочу работать по-серьезному и могу провести большие дела. Пустяками я заниматься не буду. Вы видите, что имеете дело не с зеленым пижоном.

Мой собеседник, с выдающимся подбородком и маленькими ушами, приросшими к голове, с иронической улыбкой смотрит на меня и процеживает сквозь зубы:

– Вы заблуждаетесь, господин э… э… э… Штеффен, и, видно, ошиблись адресом. Посольство не интересуется вашими странными предложениями. Если вы хотите вернуться в Германию – напишите заявление, приложите пять фотографических карточек. Если вам разрешат вернуться, то денег на дорогу вы все равно не получите. Всего хорошего, господин Штеффен. Кстати, ваш почтовый адрес в Лондоне и где вы жили в последнее время в Германии? До свидания, господин Штеффен.

Дело обстоит неплохо; я, видимо, попал на соответствующего человека. Он пошлет телеграмму в Берлин, там начнут выяснять и быстро нападут на след Карла Штеффена. Да, этот чиновник неглуп и свое дело знает, но в работе пользуется примитивными методами. Мы, немцы, даже в этой области слишком консервативны.

Проходит десять дней, мой новый приятель не подает признаков жизни. Неужели я ошибся и он попросту бюрократический осел, не сумевший оценить моих способностей?

В один прекрасный день я получаю, однако, записку, в которой говорится, что в аптеке на Дарк-стрит меня ждет письмо.

Я выжидаю три дня, – необходимо показать, что я не тороплюсь, и вечером отправляюсь на Дарк-стрит.

Быстро нахожу аптеку, она совершенно пуста. Толстый человек отвешивает какие-то порошки. Не поднимая головы, он спрашивает меня на плохом английском языке, что мне угодно. Я протягиваю аптекарю полученную мною три дня назад записку. Он опускает очки со лба на нос, читает, бормочет что-то нечленораздельное и исчезает.

Я осматриваюсь: аптека как аптека.

Толстяк возвращается и просит меня пройти в заднюю комнату, при этом он приподнимает полку и пропускает меня; с полки падает баночка и разбивается. Аптекарь бормочет какое-то ругательство.

Вхожу в комнату. Это неплохо обставленный кабинет. Спиной к окну, тщательно занавешенному, сидит широкоплечий человек, на первый взгляд производящий впечатление великана. Не вставая, он протягивает мне руку и жестом приглашает меня сесть.

Свет падает так, что я не вижу его лица, моя же физиономия, очевидно, ярко освещена. Это чертовски старый способ. Некоторые специалисты еще дополняют его тем, что усаживают собеседника в низкое мягкое кресло с откинутой спинкой, что действует деморализующе и ослабляет психику. Это все очень старо и примитивно.

Я разгляжу твое лицо, господин Фуше!

Мой собеседник, не произнеся все еще ни звука, достает из коробки сигару, методически отрезает конец и шарит в карманах. В припадке вежливости я срываюсь с места, зажигаю сразу несколько спичек и сую ему под нос.

Да, лицо не из приятных: маленькие свиные глаза, вдавленный нос, шрам на левой щеке, аккуратно зачесанный пробор.

Мой Фуше с нескрываемым раздражением вскакивает.

Оказывается, он не выше меня ростом, это один из породы сидячих великанов, то есть людей с длинным туловищем и относительно короткими ногами, они кажутся великанами только в сидячем положении.

– Слушайте, Штеффен, – грубым и сиплым голосом обращается ко мне Фуше, – если вы хотите с нами работать, вам придется умерить свое нахальство. Я получил о вас подробные сведения и знаю, что вы за гусь. Предупреждаю вас, что со мной вам не удастся валять дурака. Я все же уверен, что мы с вами сговоримся. В первую очередь я должен вас предупредить, что, если вы попытаетесь меня шантажировать, я должен буду отправить вас на тот свет, причем вы будете не первым и не последним.

Я спокойно выслушиваю это предисловие и констатирую, что мой собеседник находится в более выгодном положении: он знает мою фамилию, я же должен обращаться к нему с сухим словом «господин».

– Меня зовут Гросс, – заявляет человек со свиными глазками.

– Итак, господин Гросс, я покорнейше прошу вас учесть, что я давно вышел из наивного юношеского возраста и на меня мало действуют ваши трафаретные приемы.

Гросс, видимо, уязвленный моим замечанием, лезет в боковой карман и протягивает несколько фотографий. Я без особого труда узнаю себя во время посещения посольства.

– Если хотите, – продолжает Гросс, – вы можете услышать свои собственные слова, очень аккуратно записанные диктофоном. Как видите, мы пользуемся не только трафаретными методами.

Откровенно говоря, я неприятно удивлен, действительно я отстал от современной техники. Очевидно, там, в кабинете посольства, где-нибудь был установлен маленький фотоаппарат, точно направленный на кресло, в котором я сидел.

Неплохо. Я довольно наивно влопался. Нужно менять тактику.

– Прекратим пикировку, господин Гросс, и побеседуем, как деловые люди. Я не хочу вам ничего обещать, но думаю, что принесу большую пользу. У меня репутация антифашиста, я располагаю обширными знакомствами среди эмигрантов и, наконец, обладаю весьма незаурядным мозговым аппаратом. Мне, конечно, придется много поездить по эмигрантским центрам, расширить свои связи, создать себе соответствующую репутацию. Для всего этого, конечно, понадобятся деньги, хотя я человек очень скромный и нетребовательный. Я предпочитаю получать помесячно, и притом, естественно, вперед.

– Вы очень торопитесь, Штеффен, и слишком много говорите. Я прекрасно знаю, что вы скромный и нетребовательный человек, поэтому вам пока хватит двадцати фунтов. Никакого жалованья я вам платить не собираюсь, будете получать сдельно. Пишите расписку, подпись – Браун. Этой фамилией пользуйтесь всегда при телефонных разговорах со мной. Итак, мы договорились, господин Браун. Оставьте мне свой телефон, запишите мой.

Здесь, в Лондоне, можете не особенно стеснять себя и не проявлять чрезмерную осторожность, – «Интеллидженс Сервис» занята другими делами. В качестве первого поручения я вам предлагаю проделать следующее: здесь, в Лондоне, уже несколько недель живет берлинский адвокат Прейсс. У нас есть сведения, что он получает из Германии непосредственно, а также кружным путем материалы о мнимых жестокостях в концентрационных лагерях.

Кстати, Браун, вы себе не представляете, как на нас клевещут. Вы не поверите, как живется разным прохвостам у нас в концентрационных лагерях!

Далее следует описание прелестей Дахау и Ораниенбурга.

Я внимательно слушаю и заявляю Гроссу:

– Вы меня убедили, свой ближайший отпуск я проведу в концентрационном лагере.

Свиные глазки пытаются меня просверлить.

– Я с вами, Браун, только теряю время. Слушайте, что вам говорят, и не притворяйтесь кретином. Итак, мне необходимо, чтобы вы получили доступ к этим письмам Прейсса и приносили их ко мне на самое короткое время. Надеюсь, вы поняли? Всего лучшего. Да, ведь вы не написали мне расписку.

– Видите, господин Гросс, меня очень удивляет, что ваше уважаемое начальство требует от вас расписок. Я знаю случаи, когда расписки попадали в чужие руки и из этого не выходило ничего хорошего…

– Браун, не валяйте дурака и пишите.

Я смотрю на Гросса, посвистываю, беру карандаш и пишу печатными буквами расписку. Ухожу. Вдогонку доносится ругань.

«Двадцать фунтов – это немного, но все же нечто весомое, в особенности когда ваш капитал измеряется шиллингами. Сегодня мы с тобой, Штеффен, немного развлечемся, а завтра примемся за работу. Главное – поменьше рвения, как говорил Талейран. Обидно, что я не мог стать дипломатом, я бы сумел себя показать, но и в качестве скромного Брауна можно неплохо пожить. Ты, Штеффен, старая лиса, небось уже думаешь о хорошем ужине, сигаре и еще кое о чем? Смотри, Штеффен, не делайся легкомысленным, помни, что ты сегодня обрел потерянную родину. А родина – великая вещь, Штеффен, в особенности если у тебя в кармане двадцать фунтов».

Откровенно говоря, я предпочел бы работать на других хозяев – мои теперешние слишком грубы и плохо воспитаны. Кроме того, мне придется доставлять неприятности людям, к которым я даже питаю некоторую симпатию.

Однако древние философы учили не руководствоваться такими неустойчивыми критериями, как чувство симпатии и антипатии; на первом месте стоит долг, в данном случае долг перед собой. Как говорят англичане, благотворительность начинается у себя дома.

Я отнюдь не обладаю склонностью к приключениям, острым переживаниям, – нет, я предпочел бы жить в качестве солидного буржуа с хорошим вкусом. Приходится, однако, подчиняться правилам игры, а основное правило говорит – необходимо выиграть. Что же, попробуем сыграть эту партию в покер. Я, кстати, считаю покер самой мудрой игрой в мире. Что может быть приятнее ощущения, когда ты догадался, что у противника две пары, а он делает вид, что у него по крайней мере street?

В моей партии в покер у меня будут два противника – один опасный, сдающий карты, второй – безобидный, пацифистский, не способный на блеф, неизвестно почему севший за стол. Карты сданы, их разрешается только один раз менять…

4

Я проснулся с тяжелой головой и не сразу мог понять, где я нахожусь. По-моему, врачи и химики, занимаясь всякими пустяками, оставили в стороне одну очень важную проблему: они должны были бы изобрести препарат, немедленно нейтрализующий последствия бурно проведенной ночи.

Но довольно, Штеффен, философствовать, пора приниматься за работу. Честный труд дает силы, как говорит народная мудрость.

В первую очередь необходимо узнать, где можно встретить Прейсса. Это оказывается очень несложным делом: мой старый приятель близко знаком с ним.

В тот же день мы втроем обедаем в маленьком дешевом ресторане. Я держу себя скромно и подчеркиваю свою настороженность. Адвокат начинает рассказывать о последних новостях из Германии, я его дружески останавливаю и рекомендую помнить, что вокруг нас шныряют агенты гестапо.

– Вот, например, я знаю, что этот молодой кельнер, говорящий по-немецки, не случайно прислушивается к нашей беседе. Будьте уверены, он не пропустит ни одного слова и сегодня же вечером сообщит кому следует, о чем мы говорили.

Адвокат смотрит на меня с изумлением:

– Откуда вы это знаете?

Я многозначительно улыбаюсь и молчу.

Адвокат бросает на меня взгляд, полный уважения. Почва подготовлена.

После короткой паузы я продолжаю:

– Знаете, господин доктор, среди нас, эмигрантов, несмотря на все, еще осталось немало наивных людей, твердо верящих в святость английской конституции. Они полагаются, например, на неприкосновенность корреспонденции, на девственность британской королевской почты. Эти люди спокойно получают интересующие гестапо письма до востребования и уверены, что всех перехитрили. В то же время не менее десяти процентов почтовых чиновников в Лондоне состоит на службе у гестапо. А потом в Германии арестовывают людей, имевших несчастье положиться на своих неосторожных и легкомысленных друзей.

Прейсс взволнован:

– Знаете, я ведь тоже получаю письма до востребования!

– Если у вас есть конверт, я с полной точностью скажу вам, было ли письмо перлюстрировано.

Прейсс лезет в карман и протягивает мне уже вскрытый конверт.

Я запоминаю адрес: семнадцатое почтовое отделение, до востребования, мистеру Р. Н. Кроу. Внимательно осматриваю конверт, осторожно отдираю почтовую марку, смотрю на дату штемпеля и заявляю самым безапелляционным тоном: письмо не было вскрыто.

– У вас, господин Прейсс, есть, видно, опыт в этой области.

Адвокат сияет от комплимента.

На прощание рекомендую ходить в почтовое отделение за письмами исключительно утром, как можно пораньше, тогда меньше шансов встретиться с нежелательными субъектами. Кроме того, лучше не говорить в окошко, какое письмо нужно, но просовывать почтовому чиновнику бумажку, на которой написан адрес.

– Я так и делаю, господин Штеффен.

– Ну, вас, видно, нечему учить.

Я сижу с этим ослом еще минут двадцать, а затем отправляюсь в почтовое отделение, просовываю клочок бумаги в окошко, – для Кроу письма нет.

На четвертый день вместе со своей бумажкой получаю из окошка конверт с германской маркой. Беру такси и мчусь на Дарк-стрит.

В аптеке два покупателя. Я прошу средство от головной боли и аспирин. Жду несколько минут. Покупатели уходят.

Аптекарь, как и в первый раз, жестом приглашает меня в заднюю комнату; человек, называющий себя Гроссом, небрежно со мной здоровается и грубо спрашивает:

– Ну, в чем дело?

Я протягиваю конверт.

Гросс исчезает и возвращается через десять минут.

– Теперь можете отнести письмо обратно на почту.

– А вы его не прокалывали булавками при фотографировании?

– Браун, занимайтесь своими делами и не отнимайте у меня времени.

Я думал было заговорить о деньгах, но потом решаю этого не делать – эта свинья подумает, что целиком меня купил за несколько фунтов, не надо было требовать денег и в прошлый раз.

Я возвращаюсь на почту и говорю чиновнику в другом окошке, что мне неправильно выдали письмо: мне нужен пакет на имя Кроуль, а не Кроу.

В течение двух недель я доставляю Гроссу письма Прейсса. Я при этом нарушаю инструкцию своего начальника: не возвращаю письма на почту, но просто их уничтожаю.

Если я повторю мою версию с Кроулем, чиновник на это обратит внимание. С другой стороны, вскоре Прейсс узнает, что письма до него не доходят. Необходимо поскорее ликвидировать это дело.

Мне, впрочем, везет. Оказывается, Гроссу больше не нужны письма, получаемые адвокатом.

– Этот болтливый дурак Прейсс не представляет для нас интереса, тем более что его корреспондента мы уже посадили в концентрационный лагерь. Скажите лучше, Браун, знакомы ли вы с журналистом Кронером?

Я отвечаю утвердительно, хотя никогда его не видел в лицо.

– Попробуйте втереться к нему в доверие и разнюхайте, от кого он получает из Германии информацию. Мы знаем только, что он прибегает к помощи третьих лиц.

В течение нескольких дней я пытаюсь познакомиться с Кронером, но это очень замкнутый и застегнутый на все пуговицы человек. В лицо я его уже знаю и решаю просто подсесть к нему в кафе, где он часто бывает.

Через несколько дней вижу пасмурную физиономию Кронера, сажусь за его столик, заговариваю с ним по-немецки; он дает односложные ответы и углубляется в газеты.

Он, кстати, замечаю я, чертовски близорук.

Неожиданно Кронер хватает свою чашку и пересаживается к другому столику.

Мне в конце концов надоедает с ним возиться, и я решаюсь прибегнуть к своему излюбленному методу – логической фантазии.

На другой день я отправляюсь на Дарк-стрит и с торжествующим лицом вручаю Гроссу записку, где перечислены фамилии корреспондентов Кронера; я при этом называю своих знакомых, оставшихся в Берлине, или просто выдуманные имена.

Гросс, видимо, доволен и по своей инициативе дает мне двадцать фунтов. Я небрежным жестом прячу деньги и пишу расписку, как и в первый раз, печатными буквами.

Прошло несколько дней, и мне пришлось пережить очень неприятный разговор с моим начальником. Я должен откровенно признаться, что не отношу себя к числу чрезмерно храбрых людей и порядком перетрусил.

Когда я вошел в кабинет Гросса, он, не отвечая на мое приветствие, вскочил и закричал:

– Ты, грязная свинья, пробовал меня обмануть, и я из-за тебя попал в положение идиота! Мне сообщили из Берлина, что ни один из названных тобой прохвостов там не проживает: часть давно сидит в концентрационных лагерях, часть удрала за границу, а остальных ты просто выдумал. Кроме того, было установлено, что ты ни разу не встречался с Кронером. Я тебя предупреждаю, Браун, что еще одна такая штучка – и тебя отправят в морг!

Когда я взглянул на лицо Гросса, меня всего передернуло: оно было перекошено от ярости, шрам на щеке налился кровью, маленькие глазки кололи. Я чувствовал, что имею все основания ждать больших неприятностей.

Неожиданно Гросс, однако, успокоился, сел в кресло и закончил:

– Теперь убирайся и через неделю возвращайся с подлинными документами, иначе пеняй на себя.

Я, признаться, рассчитывал получить несколько фунтов, так как по свойственному мне легкомыслию остался без денег; но теперь момент был очень не подходящим для разговора на финансовые темы. Я понял, что был весьма близок к хорошей оплеухе и дешево отделался. Мне пришлось констатировать, что во время войны офицеры германской разведки были много корректнее и воспитаннее, они, правда, тоже ревели и рычали, но в карман за револьвером не лезли.

Ты, бедный Штеффен, собственно говоря, находишься в довольно невыгодном положении. В случае чего гестапо разоблачит тебя в глазах эмигрантов в качестве своего агента. Наконец, милейший Гросс может тебя спокойно пристрелить, затем твое тело положат на кушетку, толстый аптекарь забинтует рану, вызовет по телефону полицию, расскажет, что в аптеку привезли неизвестного раненого, который во время перевязки умер. Полиция не будет особенно интересоваться подробностями убийства немецкого эмигранта, Гросс переменит на всякий случай свою резиденцию, и все будет в полном порядке, кроме небольшого отверстия в черепе или груди бедного Штеффена.

Ничего не поделаешь, придется серьезно взяться за работу и доказать свою солидность этой проклятой свинье.

После короткого раздумья я пришел к выводу, что дальнейшие попытки втереться в доверие к Кронеру обречены на неудачу. Это не такой человек, чтобы проболтаться. Здесь нужны другие методы. Хорошо, что эта обезьяна близорука и, вероятнее всего, не запомнила моего лица.

Я вспоминаю, что Кронер всегда тащит с собой большой новый портфель из коричневой кожи и обычно ставит его у стула. Я поспешил раздобыть в одном из магазинов портфель абсолютно такого же вида, как у Кронера, и стал выжидать подходящего случая.

В один прекрасный день я вхожу в небольшой ресторан и еще издалека вижу лысый череп и очки Кронера. Он сидит у столика как раз у прохода, портфель стоит сбоку от стула. Я ускоряю шаг, прохожу мимо самого столика Кронера, ударяю носком его портфель, который отлетает в сторону.

Затем, изображая сильнейшую растерянность, начинаю суетиться, нагибаюсь, сталкиваюсь с Кронером лбом с такой силой, что у меня, а вероятно и у него, посыпались искры. В этот же момент я обмениваю портфели и даю Кронеру поднять тот, который он считает своим. Кронер успокаивается и продолжает изучать меню.

Я выбегаю из ресторана, сажусь в такси и мчусь в аптеку. Врываюсь без предупреждения в комнату Гросса. Тот испуган и прячет под бювар какой-то листок бумаги. Узнав меня, Гросс обрушивается потоком ругани. Я с оскорбленным видом протягиваю ему портфель и холодно говорю:

– Поторопитесь, мне нужно его вернуть Кронеру.

Гросс жадно хватает портфель, вынимает из кармана связку крошечных отмычек и замедленно открывает его.

– На этот раз вы молодец, Браун…

Он вынимает один документ за другим, лицо его принимает все более довольное выражение, хлопает меня по плечу и просит помочь ему все это сфотографировать.

В соседней комнате он снимает покрышку с фотостата и освещает комнату ярким светом. Я кладу под объектив документы. Через пять минут все сделано, документы аккуратно сложены в портфель, замок закрыт, и я несусь обратно в ресторан.

С момента нашего столкновения лбами прошло менее получаса, и я надеюсь еще застать Кронера.

Так оно и есть. Он сидит за столиком, уткнувшись носом в газету, и курит отвратительно пахнущую дешевую сигару. К портфелю он еще, видимо, не притрагивался, иначе не был бы так спокоен.

– Слушайте, милостивый государь, вы обменяли мой портфель, прошу вас немедленно вернуть его обратно. Мой портфель был отперт, этот же невозможно открыть.

Кронер вскакивает, как ужаленный, схватывает стоящий у стула портфель, раскрывает его, потом вырывает из моих рук другой портфель, щупает замок и, успокоившись, садится.

Я, в свою очередь, раскрываю мой портфель, вынимаю оттуда газеты и листы белой бумаги и обращаюсь к Кронеру с советом в другой раз быть осторожнее. Сцена закончена, не надо переигрывать. Я, не прощаясь с Кронером, немедленно ухожу.

Эта операция прошла блестяще, я всегда говорил: главное – находчивость.

По-моему, нет ничего приятнее ощущения, когда удается оставить кого-нибудь в дураках: чувствуешь себя бодро, грудь свободно дышит и хочется просвистеть веселую мелодию.

Меня очень смешит выражение «честный человек», это должно означать комплимент, но звучит оскорбительно.

Честный человек – это лишенная фантазии, тупая, бездарная и невыносимо скучная личность. Честные люди в то же время, конечно, необходимы уже хотя бы потому, что они представляют незаменимый объект для активности одаренных людей. Природа всегда поступает мудро: она открывает путь сильным и ловким. Это верно в отношении зверей и людей. Правда, имеется все же существенная разница: у хищных животных смелость является положительной чертой, в человеческом же обществе смелый обречен на гибель.

Но я опять увлекся философскими размышлениями; в особенности меня к ним располагают хорошая сигара и мокко. На все эти отвлеченные темы я рассуждаю, сидя в кафе, в расчете на щедрость Гросса. За портфель Кронера я должен получить хороший эквивалент.

На другой день я нанес визит своему начальнику. Он на этот раз был любезен и даже мил. По собственной инициативе вручил мне пятьдесят фунтов, чем меня буквально растрогал: поразительная чуткость со стороны человека со свиными глазками.

– Ну, как ваше самочувствие, Браун? Вы вчера, вероятно, успели неплохо развлечься?

Я возражаю, что для здоровых развлечений необходимы деньги, которых у меня не было.

– Ну, хорошо, что же мы с вами будем делать дальше, дорогой Браун? Впрочем, я придумал для вас одно неплохое дело. Вы, кажется, обладаете в сильной степени привлекательностью для женщин, хотя вы уже успели обрюзгнуть, да и под глазами у вас гусиные лапки…

– Уважаемый господин Гросс, – перебил я его, – я убежден, что вы хотите предложить мне весьма интересное и даже пикантное дело. Лет пятнадцать тому назад я, вероятно, за него ухватился бы руками и ногами, но теперь я не испытываю никакого энтузиазма. Вы, надеюсь, имели возможность убедиться, что я не ваш заурядный агент, который за несколько фунтов принесет вам собранные им дурацкие сплетни или черновики давно уже напечатанных статей Георга Бернгарда. Я достал вам документы Кронера, смогу одурачить какую-нибудь бабу, вы, очевидно, на это изволили намекать, сумею выкрасть чужое письмо. На этих делах я, однако, очень скоро буду разоблачен и выйду в тираж. В результате в дураках окажусь не только я, но и вы. Я хотел бы быть полезен моей родине в больших делах.

Гросс, услышав слово «родина», одобрительно хрюкнул, подмигнул мне, хлопнул по колену и в виде комплимента сказал:

– Вы большая бестия, Браун.

– Так вот, господин Гросс, для того, чтобы я мог принести максимум пользы, необходимы некоторые предпосылки. Вы должны освободить меня от пустяковой работы, дать мне возможность расширить свои связи. Я не могу безвыездно сидеть в Лондоне – здесь не настоящий эмигрантский центр. Мне следует побывать в Париже, Праге, Сааре. Потерпите несколько месяцев и дайте мне возможность проявить себя во всем блеске.

– То, что вы говорите, Браун, звучит неглупо, но мне лично это невыгодно. Я вас изобрел, а вы уедете в Париж или Прагу, и другой использует плоды моих трудов. Но я еще подумаю. Ну, пока идите развлекаться, только не забудьте, что и в Лондоне можно заработать неплохой сувенир. Ха-ха-ха!

Гросс страшно доволен своим остроумием.

– Что вы, господин Гросс, разве можно так пугать невинного юношу! До свидания, господин Гросс.

Как будто мне удалось если не убедить, то хотя бы поколебать этого скота. Во всяком случае, он мне пока не дал никаких поручений.

Откровенно говоря, грубость и проявление силы мне импонирует: после того, как Гросс на меня наорал и едва не избил, я почувствовал к нему некоторое уважение.

В течение нескольких дней я благоразумно развлекался и изучал некоторые достопримечательности Лондона. Короче говоря, я неплохо использовал гонорар за кронеровский портфель.

Я рассчитывал спокойно пожить две недели, но моя мирная идиллия была нарушена запиской, приглашавшей явиться в аптеку. Гросс без особого энтузиазма сообщил мне, что в Берлине на меня возлагают кое-какие надежды и сделают все необходимое для того, чтобы я мог успешно работать. Решено, что я еще два-три месяца пробуду в Лондоне, а затем отправлюсь в Париж.

Гросс, совершенно изменивший свой тон в отношении меня, спросил, что нужно сделать для укрепления моих позиций.

– В первую очередь, – заявил я, – мне необходимы деньги. Во-вторых, понадобятся кое-какие подлинные документы, представляющие интерес для эмигрантских изданий, и, наконец, будет неплохо, если я разоблачу какого-нибудь эмигранта в качестве агента гестапо. У вас ведь есть много бесполезных дураков, одним можно пожертвовать.

Гросс посмотрел на меня и заметил:

– Ты далеко пойдешь, мой мальчик.

Деньги я получил немедленно, а через две недели Гросс передал мне два, как он громко выразился, «документа».

Один из них представлял собой бланк восточно-прусской национал-социалистской организации, на котором было воспроизведено циркулярное письмо, адресованное районным отделам. В этом циркуляре предлагалось выделить из каждых ста членов гитлеровской молодежи двадцать пять человек для отправки в лагеря военной подготовки. Документ был снабжен подписью и печатью и выглядел как подлинный, то есть недостаточно эффектно.

Второй документ представлял собой запрос руководства кенигсбергской группы СА о настроениях среди штурмовиков.

Все это, конечно, было не то, чего я ожидал, и я сделал кислое лицо.

Гросс заметил это и прошипел сквозь зубы:

– Вы бы, верно, хотели получить секретные письма Гитлера или несколько документов из гестапо, – хватит с вас и этого.

Что же, придется довольствоваться и этим, а в дальнейшем положиться на свои таланты.

Я решил не спешить, но медленно и тщательно подготовить осуществление своего плана. В первую очередь я думал над тем, как объяснить другим эмигрантам наличие у меня средств, позволяющих мне разъезжать по Европе. Сначала я решил было держать себя по-прежнему – лишенным всяких средств к существованию эмигрантом. Этот вариант, однако, не давал мне возможности сблизиться с антигитлеровски настроенными англичанами и заставлял меня оставаться заурядным серым эмигрантом, охотящимся за шиллингом. Кроме того, я давно убедился, что нельзя излишне осложнять положение.

Я начал скромно, но хорошо одеваться, обедать в приличных ресторанах. На вопросы знакомых: «Штеффен, как вы ухитряетесь хорошо одеваться и вообще недурно жить?» – отвечал:

– Благодаря счастливому совпадению двух исторических событий: в 1933 году пришел к власти Гитлер и умер мой дядя Густав в Сан-Паулу. Я его никогда в жизни не видел, но он оставил мне несколько тысяч марок и небольшую гациенду.

– Значит, вы несколько лет назад ездили в Бразилию к вашему дяде?

– Совершенно верно, но я его не застал, так как он тем временем уехал в Соединенные Штаты.

Я лезу в карман и показываю фотографию, изображающую южноамериканский домик, а затем вторую, на которой запечатлено лицо одного из тех старых дураков, которых мы с Георгом обрабатывали в Аргентине.

– Поздравляю вас, господин Штеффен, вам действительно везет.

– Да, я, по словам моей матери, родился в сорочке.

Я действительно начинаю вспоминать наше романтическое путешествие в Южную Америку, трогательную наивность моих соотечественников, полные карманы денег, прекрасные сигары, девиц разных рас и мастей…

Берегись, однако, Штеффен, ты углубляешься в прошлое, это значит – ты начинаешь стареть. Помни, что сентиментальность лишь ослабляет пищеварение и отвлекает от серьезных мыслей. Забудь о счастливой поре твоей невинной молодости и юношеских увлечениях.

Я опять увлекся: ведь мне в то время было больше тридцати лет…

Но довольно реминисценций; ты, Штеффен, теперь политический эмигрант, материально ни от кого не зависящий, непримиримо ненавидящий гитлеровский режим.

Мои старые знакомые с удивлением качают головой: как неузнаваемо изменился ветреный и легкомысленный Штеффен!

Я постепенно приобретаю репутацию серьезного человека, уклоняющегося от разговоров на сомнительные, в особенности эротические темы, недавно бывшие моей специальностью. Я ведь знаком со всей порнографической литературой на четырех языках. Лицо мое приняло сосредоточенное и даже суровое выражение. Я ежедневно провожу несколько минут у зеркала, стараясь придать своей физиономии черты, свойственные людям, поглощенным одной мыслью. Я несомненно обладаю артистическим талантом и способностью перевоплощаться. Кроме того, ведь достаточно сесть в кресло, сложить руки и опустить голову, чтобы вас постепенно охватила тоска и грусть. Достаточно заставить себя несколько раз улыбнуться и рассмеяться, чтобы настроение сразу улучшилось. У меня подобного рода автоматизм очень сильно развит, и временами я начинаю сам верить в свои антифашистские убеждения. В одну из таких минут я написал памфлет против Третьей империи, наделавший довольно много шума в эмигрантской прессе и цитировавшийся в иностранных газетах.

Когда Гросс увиден мою подпись, он пристально посмотрел на меня и сказал:

– Смотрите, Браун, не перехитрите самого себя…

Документы, полученные мною от Гросса, я передал в «Паризер тагеблатт», и они были опубликованы. Когда в редакции мне предложили небольшую сумму денег, я отказался, заявив, что на ближайшие два-три года я материально обеспечен.

Все это, вместе взятое, укрепило мои позиции среди эмигрантов, и многие, относившиеся ко мне скептически и пренебрежительно, изменили свое мнение.

В один прекрасный день, запасшись солидными рекомендациями, я отправился к Уикхэму Стиду[4]. Он меня любезно принял и с большим интересом выслушал мое сообщение о германских вооружениях.

Моя информация, конечно, являлась плодом моих комбинаторских способностей, тем не менее я убежден, что все, сообщенное мною Стиду, целиком соответствовало действительности.

Во время первой же встречи я дал понять Стиду, что действую совершенно бескорыстно и не рассчитываю на какие бы то ни было материальные выгоды. Я рассказал ему, что у меня сохранились хорошие связи в Германии, в том числе с кругами, близкими к рейхсверу. При помощи этих связей я иногда располагаю интересной информацией, в частности в области вооружений Третьей империи.

Я сумел произвести на Стида хорошее впечатление, в особенности благодаря нескольким удачным цитатам из его статей.

Я давно уже знаю, что даже крупнейшие ученые, писатели, журналисты – все они очень доступны лести. Все дело, конечно, в дозировке, причем главное – не скатиться к гомеопатии.

Через недели три я вновь посетил Стида, разыграв при этом небольшую комедию: войдя в кабинет этого почтенного джентльмена и поздоровавшись с ним, я внимательно осмотрел телефон и выключатели, объяснив, что боюсь микрофонов гестапо. После этого я вынул из кармана сфотографированный мною документ, касавшийся производства самолетов в Германии. Гросс объяснил мне, что все цифры, содержащиеся в этом документе, давно устарели.

Стид остался очень доволен. Знакомство с ним, в свою очередь, принесло мне большую пользу, так как оно повысило мой удельный вес и упрочило за мною репутацию серьезного человека.

Я вспоминаю, что приблизительно в это время встретил в одном из кафе журналиста, с которым был знаком еще в Берлине и который ко мне всегда относился с плохо скрываемым пренебрежением. Он подсел ко мне и во время беседы неожиданно спросил:

– Скажите, Штеффен, что это с вами произошло? Я слышал о вас самые фантастические истории: вы стали убежденным антифашистом, аскетом – все это очень не похоже на вас…

– Дорогой друг, – после необходимой паузы начал я, – я действительно эпикуреец и люблю удовольствия. Мне, однако, необходима родина. Вне Германии я не могу жить так, как хочу. Национал-социалисты лишили меня родины, они убили в Германии все изящное и остроумное, они объявили войну интеллектуализму – словом, превратили Германию в грязную казарму. Гитлеровцы посадили в концентрационный лагерь моего лучшего друга Карла фон Оссецкого, они подвергли истязаниям этого человека с невероятно чувствительной и тонкой нервной системой. Вот вам секрет метаморфозы, происшедшей со мной. Я не могу наслаждаться жизнью, в то время как на родине ломают ребра моим друзьям. Я сам прежде не предполагал, что так остро буду переживать все это. А может быть, я и постарел – стал сентиментальным.

Мой собеседник внимательно посмотрел на меня и пожал мне руку:

– Я начинаю уважать вас, Штеффен. Простите, что я вас считал грубым животным.

Я вздохнул и грустно улыбнулся.

В течение всего этого времени я вел двойной образ жизни. Большую часть дня я был пуританином и трезвенником, по вечерам же развлекался в заведениях, известных только знатокам, где меня не могли встретить эмигранты.

[4] Очень влиятельный английский журналист, выступающий против милитаристической политики Третьей империи.

Благодаря щедрости моего друга Гросса я мог себе многое позволить и чувствовал себя прекрасно. Вообще же я довольно забавное существо и люблю наблюдать за самим собой и за работой своего мозга. Я чувствую, что в нем спрятано несколько Штеффенов. Из них всех я больше всего люблю маленького хитреца и наивного циника. Неплох и другой Штеффен, умеющий холодно и спокойно рассуждать и придумывать сложные комбинации. Похуже будет Штеффен сентиментальный, но ему не дают особенно разойтись. Иногда лишь за сигарой и кофе этот третий Штеффен выпускается на удлиненной узде.

Так прошло три месяца, и Гросс начал проявлять нетерпение.

– Вам, Браун, кажется, понравилось полное безделье; я бы тоже не отказался так пожить: денег достаточно, времени сколько угодно, – веселая жизнь.

– Господин Гросс, главное – не торопиться, вы, вероятно, знаете, что поспешность обычно ведет к абортам…

Нет, Гросс, вы, конечно, примитив. Я хотел бы когда-нибудь очутиться в кабинете самого умного человека в гестапо. Я думаю не о Гитлере. Он большая бестия, но это не то, что мне нужно.

У моего собеседника должно быть тонкое лицо иезуита, узкие губы, серые глаза. Мы сели бы в кожаные глубокие кресла, посмотрели бы друг на друга, едва заметно улыбнулись. Нам не пришлось бы много разговаривать, мы все бы поняли без слов.

Вам это непонятно, господин Гросс? Вы, вероятно, не слыхали, что Паганини, преследуемый иезуитами, сумел сговориться с дочерью тюремщика о своем побеге при помощи скрипки с одной струной? Да, вы этого не знаете, но зато вы знаете многое другое. Помните, Гросс, я настаиваю на том, что мой партнер должен быть похож на иезуита.

Гросс, как будто читая мои мысли, спрашивает:

– Что, Браун, хотите съездить в Берлин?

– С огромным удовольствием, но попозже. Теперь мне нужно переменить климат, в Лондоне я исчерпал все возможности, больше мне здесь абсолютно нечего делать, надо переехать на континент. Меня зовет Париж, историческое сердце мира…

– Если бы вы, Браун, меньше фантазировали и болтали, вы были бы ценным человеком.

Что понимает Гросс в фантазии! С ним, однако, можно иметь дело.

Увы, я полагаю, что в Берлине в гестапо сидят не люди с лицами иезуитов и серыми глазами, а большие свиньи…

5

Весной 1934 года я уже гулял по улицам Парижа. В бумажнике у меня три тысячи франков; в боковом кармане – коллекция рекомендательных писем к ряду эмигрантских деятелей; в записной книжке – адрес зубного врача Мейнштедта.

На другой день после приезда я нажимаю кнопку звонка.

Открывает мне очень недурная девица в белом переднике.

У меня сразу поднимается настроение. Девица приглашает меня в приемную, там сидит пожилая дама и внимательно рассматривает потрепанный номер журнала. Вскоре ее приглашают в кабинет. Через пятнадцать минут наступает моя очередь.

В дверях меня ждет высокий человек в белом халате, он вытирает полотенцем руки и спрашивает, на что я жалуюсь.

Я отвечаю, пристально глядя на нею, что мне нужно пломбировать зуб, причем рентгеновский снимок послан из Лондона.

Зубной врач равнодушно относится к этому сообщению, но предлагает подождать в приемной.

Через несколько минут открывается дверь из соседней комнаты и ко мне приближается высокий худой человек с длинной шеей, как бы отпиленным подбородком, аккуратным пробором посредине и выбритым затылком. Лицо у него асимметричное, глаза смотрят в сторону.

– Кто вам рекомендовал этот зубоврачебный кабинет?

– Доктор Гросс.

– Ваша фамилия Браун? Заходите, пожалуйста, ко мне, господин Браун. У нас с доктором Мейнштедтом тесное сотрудничество и даже кабинеты рядом, только специальности у нас разные.

Я сижу в кресле и изучаю моего собеседника.

– Я рад с вами познакомиться, Браун. Мне сообщили о вашем предстоящем приезде. Я о вас все знаю. Меня зовут Форст, Ганс Форст. Запишите мой телефон. Раньше чем приходить, предупреждайте. Оставьте мне ваш адрес. Деньги у вас еще должны быть. Пока до свидания.

Да, с этим субъектом не особенно разговоришься. Видно, большая свинья.

В течение нескольких недель я мирно и спокойно живу в столице мира. Я недурно знаю Париж и в особенности его достопримечательности, представляющие интерес для такого культурного человека, как я. Откровенно говоря, Париж все же пользуется незаслуженной репутацией; Берлин во многих отношениях ни в чем не уступает. Многие знатоки могут подтвердить это, в особенности если речь идет об утонченных вкусах, которые мещане называют извращениями.

Я здесь продолжал вести двойную жизнь и не ограничивался одними лишь развлечениями. Я не обидел ни тебя, Штеффен – хитрец и лакомка, ни тебя – мастер комбинации.

В эмигрантских кругах, особенно пацифистских, я сделался своим человеком.

Вскоре в редакции одного из журналов я познакомился с очень интересным субъектом – Людвигом Арнольдом. Я к нему присматривался еще в Германии, так как слышал о нем много забавного.

Этот Арнольд был маленький, щуплый человек с приподнятыми плечами и большой головой, острыми чертами лица и близорукими глазами. Трудно себе представить, чтобы в таком слабом и маленьком теле могло быть сконцентрировано столько темперамента, энергии и настойчивости.

Я уже упоминал, что его в шутку звали «грозой рейхсвера», но в этой шутке была большая доля правды. Арнольд был личным врагом рейхсвера, и в течение десятка лет шла ожесточенная война между германскими генералами и этим щуплым человеком, видевшим во

всех событиях в Германии руку Бендлерштрассе. Он предсказал, что будущая мировая война вспыхнет только благодаря рейхсверу, и с последовательностью человека, одержимого навязчивой идеей, Арнольд разоблачал закулисную деятельность генералитета.

Этот человек обладал талантом следователя и детектива. В области тайных вооружений Германии это был настоящий Кювье; подобно тому, как тот по одной косточке мог восстановить внешние формы допотопного животного, так Арнольд по одному случайному факту мог сконструировать целую эпопею. Дальнейшие события целиком подтверждали его разоблачения.

Арнольд глубоко проник за кулисы «черного рейхсвера».

Он разоблачил наличие в Гамбурге завода, производящего удушливые газы. На основании катастрофы, происшедшей на Одере с понтоном, он размотал целый клубок тайных вооружений. В своих статьях он с упорством маньяка писал о военизации промышленности, о секретной деятельности германского красочного треста.

Рейхсвер платил Арнольду той же монетой – он его ненавидел. За маленьким журналистом было установлено специальное наблюдение. Агенты контрразведывательного бюро полковника Николаи пытались изобличить его в государственной измене, в сношениях с французской военно-контрольной комиссией.

Если бы это удалось, Арнольда можно было бы запрятать на несколько лет в каторжную тюрьму. Но маленький Арнольд был очень ловок и осторожен, кроме того, он действительно не имел никаких связей с контрольными комиссиями.

Свою работу Малыш (так звали его друзья) проводил очень методически, завел у себя большой архив и прекрасную картотеку.

По своей природе, а также в силу своей деятельности Малыш был крайне подозрителен и всегда настороже. К каждому новому знакомому он подходил как судебный следователь и постоянно пытался уличить своего собеседника во лжи или в двойной игре. Мне рассказывали, что у Арнольда возникали конфликты даже с друзьями, так как он раздражал их своей подозрительностью и постоянными допросами.

Он доверял, как это ни странно, только своей жене.

Я давно интересовался этим человеком, так как меня с ним объединяла любовь к сложным комбинациям, во всем остальном, однако, мы были антиподы. Меня изумляли его скромность и бескорыстие. Откровенно говоря, я не верил в них и считал Арнольда лицемером и ханжой.

Я твердо убежден, что всякий нормальный человек стремится хорошо поесть, обладать всеми хорошенькими женщинами, которых он встречает, со вкусом одеваться. Исключение представляют лишь люди с катаром желудка, импотенты и честолюбцы.

Все разговоры о том, что у человека на первом плане может стоять долг, идея, работа, – все это обман или в лучшем случае самообман. Те, кто пользуется всеми благами жизни, любят прикрыть свои маленькие удовольствия фиговым листочком. Те, кто слаб или слишком труслив, чтобы добиться удовлетворения своих чувственных стремлений, притворяются к ним равнодушными и проповедуют честную, нравственную жизнь.

Этот Арнольд, по моему глубокому убеждению, либо лицемерен, либо чертовски честолюбив. Я хотя свободен от этого порока, но прекрасно понимаю психологию честолюбивого человека, готового многим пожертвовать для удовлетворения своей главной страсти. Бескорыстие, чувство долга, идея – все это дешевая чепуха.

Но я несколько увлекся отвлеченными рассуждениями.

Итак, этот Арнольд еще за несколько месяцев до победы Гитлера уехал из Германии и поселился в Страсбурге. Он сумел при этом увезти с собой почти весь свой архив. В дальнейшем он стал издавать информационный бюллетень, целиком посвященный вооружениям

Третьей империи. Этот бюллетень часто воспроизводил очень интересные материалы, которые иногда перепечатывали французские и английские газеты.

У Малыша, по-видимому, сохранились в Германии кое-какие связи. Во всяком случае, публикуемые им сведения могли исходить только из хорошо информированного источника.

При первом знакомстве с Арнольдом я держал себя очень сухо и не проявлял никакого интереса к его личности, тем не менее я уловил его подозрительный взгляд. Во время беседы он заметил, что спешит вернуться в Страсбург, так как шпики гестапо якобы шныряют вокруг его загородного домика.

При следующей встрече я на всякий случай вручил Арнольду липовый документ, полученный от Форста. Арнольд был, видимо, доволен, но со смущенным видом заявил, что не располагает в настоящий момент деньгами и просит меня обождать с гонораром несколько дней. Я с ноткой обиды ответил, что беру гонорар только за свои статьи, а не за попавший мне в руки документ и буду целиком удовлетворен, если этот документ будет опубликован. Я при этом просил Арнольда не печатать факсимиле, но лишь воспроизвести содержание документа, внеся в него некоторые изменения. В противном случае может пострадать мой информатор, находящийся в Германии.

После этого разговора я еще дважды встречался с Арнольдом, и у меня создалось впечатление, что он ко мне неплохо относится. Прощаясь, он даже предложил мне навестить его в случае, если я окажусь в Страсбурге.

Одно время я хотел было рассказать о моем новом знакомстве Форсту, но потом раздумал: не следует посвящать людей, от которых зависишь, в свои дела. Поменьше общительности, Штеффен.

Прошло около трех месяцев со дня моего приезда в Париж. За это время я очень редко посещал Форста, и то только тогда, когда у меня кончались деньги. При последней встрече Форст иронически спросил меня:

– Ну что, вы уже отдохнули, Браун? Скоро начнете работать?

Когда я ответил, что не теряю напрасно времени, он перебил меня и сказал, что хорошо информирован о моей антифашистской деятельности, но считает, что пора уже перейти к настоящей работе.

– Вы, Браун, стоите нам чертовски дорого, а настоящего дела мы от вас что-то не видели. Откровенно говоря, я лично поднял бы вам выше кормушку, это бы вас активизировало. Пишите расписку на шесть тысяч франков.

Шесть тысяч – это неплохо; клянусь мадонной, с гестапо можно иметь дело.

Я протягиваю расписку и получаю пачку ассигнаций.

– Деньги счет любят, разрешите пересчитать.

Странно – только три тысячи. Сначала мне приходит в голову, что Форст ошибся, я смотрю на него.

Ах так, понимаю…

– Все в полном порядке, господин Форст. До свидания, господин Форст.

На улице я про себя продолжаю беседу с воображаемым Форстом:

«Значит, вы положили в карман три тысячи франков, господин начальник. Это неплохо.

Вы говорите, что я на этом деле ничего не потерял?

Возможно, но честность прусского чиновника? Но доброе имя гестапо? Но благо Третьей империи?

Впрочем, развлекайтесь, господин Форст, как умеете.

Нет, вы не будете тратить денег на девчонок и другие интеллектуальные вещи. Нет, вы их поместите в швейцарский банк на имя вашей мамаши или тети. Мало ли что может случиться с Третьей империей, необходимо обеспечить себя на черный день.

Вы, господин Форст, играете без дураков и не любите проигрывать.

А ты, бедный Штеффен, ты не имеешь денег на банковском счете. Ты – богема и человек широкой души. Ты умрешь под забором, если вовремя не остепенишься. Тебе уже сорок лет, пора подумать о тихой пристани, об уютной жене, о колпаке на ночь, о шелковом халате. Даже в такой идиллической обстановке одаренный человек может недурно развлекаться.

Не будем впадать, Штеффен, в минорный тон и унывать, у нас с тобой в кармане три тысячи франков, перестань думать на серьезные темы и береги себя».

В течение трех недель я продолжал вести культурный образ жизни и, откровенно говоря, почти забыл о существовании Форста.

Утром телефонный звонок:

– Господин Браун? Говорит доктор Мейнштедт. Я вас жду сегодня в два часа для проверки пломбы.

Я несколько обеспокоен, откровенно говоря, предпочитаю грубую ругань и угрозы такого скота, как Гросс, злобному шипению змеи Форста.

Вхожу в кабинет с траурным лицом и видом тяжело больного человека, вытираю со лба пот, прижимаю руку к сердцу, тяжело дышу.

– Что с вами, Браун?

– Врачи нашли у меня миокардит, плохи мои дела.

– Меньше шляйтесь и бросьте курить крепкие сигары. Мы все же на медицинские темы поговорим позже. Дело в том, что вам придется проехаться в Берлин. Вы, конечно, довольны, что вновь увидите свою родину?

– Я только об этом мечтаю, господин Форст.

– Вот вам паспорт на имя инженера Иоганна Мюллера, а это деньги на дорогу.

– Куда мне явиться? В гестапо?

– Не паясничайте, Браун. Когда приедете в Берлин, первым делом пойдите на Бюловштрассе, сорок три, поднимитесь на третий этаж и спросите доктора Банге.

– Скажите, господин Форст, чему я обязан счастью побывать в Берлине?

– С вами хочет говорить наше большое начальство. Я вас поздравляю, Браун, вы быстро сделаете карьеру. Не волнуйтесь, с вами ничего плохого не случится. Вы как будто немножко побаиваетесь? Что?

– Послушайте, господин Форст, меня в Берлине знает огромное количество людей, меня могут встретить на улице, в кафе, в ресторане – словом, везде.

– Откровенно говоря, я думаю, что вы встретите меньше знакомых, чем ожидаете: одни удрали за границу, другие находятся в наших бесплатных санаториях.

Лицо Форста скривилось в довольную усмешку, ему кажется, что он сострил.

– Что же вы предлагаете, Браун?

– Я скажу по секрету двум-трем моим друзьям, что еду нелегально в Германию за информацией.

Мой начальник посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

– Это не так глупо, попробуйте получить адреса. Странно, что мне не пришло это в голову. У вас, Браун, верхний этаж неплохо работает. Ну, действуйте и не позже чем завтра выезжайте. Не забудьте: Берлин, Бюловштрассе, сорок три, доктор Банге.

Откровенно говоря, чувствую себя неважно и не испытываю никакого желания отправляться в Берлин. Я уже говорил, что не являюсь героической личностью и не люблю острых ощущений. А что, если на границе или в Берлине меня арестуют? Эти господа очень злопамятны и могут вспомнить ошибки моей юности. Быть может, они со мной все это время возились только для того, чтобы заманить меня в Германию?

Нет, все это чепуха, из-за какого-то Штеффена не стали бы они тратить деньги и время. Ты, мой друг, становишься мнителен. Это несвойственно твоей натуре. Как бы то ни было – нужно ехать.

В тот же вечер я встречаюсь с двумя эмигрантами, пользующимися серьезной репутацией, и под большим секретом сообщаю, что еду в Германию. В случае, если я через двенадцать дней не вернусь, они должны сообщить о постигшей меня беде моим иностранным друзьям, в первую очередь Стиду.

– Но ведь эта поездка связана для вас с большим риском, Штеффен?

– Я никогда не боялся опасности, – отвечаю я.

Что касается адресов, то пусть Форст не считает меня дурачком; стоит мне проявить любопытство, и немедленно возникнет подозрение. Пусть инициативу проявляют другие.

Когда разговор заходит о цели моей поездки, я застегиваюсь на все пуговицы и только мимоходом замечаю, что хочу встретиться с несколькими друзьями в Берлине и в Мюнхене.

Один из моих собеседников после некоторого колебания, заметного невооруженным глазом, спрашивает меня, взялся ли бы я передать записку одному лицу в Берлине.

– Записки я не возьму и удивлен, что вы меня об этом просите, – это самый верный способ попасться и доставить при этом неприятность другому. У меня, однако, прекрасная память, и я могу все точно запомнить.

Мой собеседник с облегчением вздыхает и просит зайти к адвокату Оскару Бюркелю, адрес которого я найду в телефонной книге, и сообщить ему, чтобы он прекратил посылку писем в Саарбрюккен и пользовался новым адресом: Амстердам, главный почтамт, до востребования, Окману.

6

На другой день я сижу в вагоне поезда, приближающегося к германской границе, и, откровенно говоря, чувствую себя неважно, хотя и убеждаю себя, что все мои опасения ни на чем не основаны. От этих господ можно всего ожидать. Наконец, свинья Форст мог мне подсунуть дрянной паспорт, меня задержат на границе, посадят, потом выпустят, но пока у меня на зубах и ребрах сыграют не одну сонату.

Поезд останавливается. Граница. Входят таможенные чиновники. Они ничуть не изменились: та же старая форма, те же толстые физиономии, та же корректная грубость. Проверка паспортов. Сердце у меня бьется учащенно, чувствую, что бледнею.

Подходит личность с пачкой паспортов в руках:

– Вы – Иоганн Мюллер?

Сердце перестает биться, мне, однако, протягивают паспорт с отметкой о проезде границы. Все сошло благополучно. Ко мне возвращается обычная развязность:

– Могу я выйти из вагона?

– Да, пожалуйста, поезд уходит через двенадцать минут.

Пока все развивается нормально. Подождем Берлина.

Смелее, Штеффен! Если бы они хотели тебя посадить, то сделали бы это на границе.

Берлин, вокзал «Зоологический парк», беру носильщика, сажусь в такси, называю отель на Тауенцienштрассе.

Смотрю в окно: Берлин явно изменился, меньше народу на улицах, сократилось автомобильное движение, зато всюду группы штурмовиков. Откровенно говоря, их вид не доставляет мне ни малейшего удовольствия.

Оставляю чемодан в отеле, заполняю у портье анкету, отдаю паспорт и выхожу на улицу. Да, в городе тяжелый воздух, люди ходят мрачные, в подземке и автобусах царит молчание. Зато штурмовики ведут себя как победители: толкаются, не извиняясь, громко разговаривают. У них у всех какие-то крутые зады, туго обтянутые коричневыми галифе. Эти зады и выбритые красные затылки вызывают во мне чувство отвращения.

Осматриваю знакомые места: нет «Кабаре дер Комикер» – «Романского кафе», где собиралась богема; на улицах совершенно не встречаю знакомых людей. Кажется, Форст действительно был прав. Решаю идти сразу на Бюловштрассе, – еще случайно, по недоразумению, схватят на улице или в отеле.

Вылезаю из подземки, нахожу сакраментальный номер, поднимаюсь на третий этаж, звоню. Дверь открывает здоровенный парень с лицом гориллы; он одет в форму охранных отрядов.

– Ну, в чем дело?

– Я к доктору Банге.

– Проходите.

Сижу в маленькой приемной комнате и терпеливо жду.

Мимо меня проходят люди, преимущественно в штатском.

Жду уже около часа, начинаю дремать. Неожиданно вздрагиваю; ко мне подходит незнакомая личность и предлагает перейти в другую комнату. Я хочу вернуться в коридор, но меня вталкивают в дверь направо. Я сначала перепуган, но потом начинаю понимать, в чем дело: очевидно, должен пройти человек, которого мне не следует видеть.

На стуле лежит последний номер «Фелькишер беобахтер», – пробую читать, невыносимо скучно. Если бы здесь хотя бы была смазливая секретарша, можно было бы пофлиртовать, а так невыносимая тоска.

Проходит еще двадцать минут, еще полчаса, наконец дверь открывается:

– Пройдите к доктору Банге.

Я вхожу в кабинет. Голые стены, на камине бюст фюрера, окна плотно завешены, на полу мягкий ковер, заглушающий шаги, на дверях тяжелые портьеры.

В комнате двое. Один сидит у письменного стола, второй в стороне, в кресле. Лица его я не вижу, так как на столе горит лампа с низким и широким абажуром. Сидящий у стола протягивает мне руку:

– Доктор Банге.

– Штеффен.

– Не Штеффен, а Браун, – поправляет Банге.

Это небольшого роста человек с продолговатым черепом.

У него резкие черты лица, глубоко посаженные темные глаза, выдающийся подбородок, несколько оттопыренные уши. Он не похож на немца, – скорее на хорвата. Голос у него резкий и довольно хриплый.

– Ну, как приехали? Трусили здорово? Что?

Я спокойно отвечаю, что приехал к себе на родину, как человек, стремящийся ей быть полезным, и что никаких оснований для беспокойства у меня не могло быть.

– Вы, кажется, обиделись, Браун; я ведь пошутил.

В этот момент с кресла поднимается второй человек, о существовании которого я почти забыл. Он протягивает мне руку, я ее пожимаю.

– Рад чести познакомиться с вами, господин полковник.

– Вы меня знаете?

– Полковник Николаи слишком большой человек, чтобы я мог его не знать.

На меня направлен пристальный взгляд. Да, я прекрасно узнаю это лисье лицо, седые виски, колючие глаза и тонкие губы. Это начальник контрразведывательного отделения германского Генерального штаба, о котором кое-что стало известно только после войны. С его именем тесно связана работа германской разведки и контрразведки в период 1914–1918 годов. Его достоинства многими оспаривались, и кое-кто из военных считал, что английская «Интеллидженс Сервис» неоднократно подсовывала агентуре полковника Николаи апокрифическую информацию, сбивавшую с толка Генеральный штаб.

После революции Николаи сошел со сцены и в течение некоторого времени скрывался, позже вновь выплыл на поверхность воды. По поручению рейхсвера он организовал частное разведывательное бюро, обслуживавшее Бендлерштрассе[5]. В этой области Николаи конкурировал с аналогичным предприятием Гаральда Сиверта, обслуживавшего министерство внутренних дел. Полковник, однако, был гораздо умнее и несравненно опытнее, нежели алкоголик и кокаинист Сиверт, замешанный в целом ряде скандальных афер, начиная с фальшивых документов Орлова и кончая такими же фальшивыми червонцами Карумидзе. Кстати, этот Орлов мне очень нравился. Он был на редкость хитер и понимал толк в девочках, несмотря на свою библейскую бороду.

Но я возвращаюсь к Николаи. До победы Гитлера он продолжал обслуживать информацией рейхсвер, изредка являясь жертвою мистификаций. Я точно знаю, что весной 1931 года состоялось секретное заседание в военном министерстве, где Николаи заявил, что у него имеются абсолютно точные сведения о предстоящем в течение нескольких ближайших дней нападении поляков на Восточную Пруссию.

Это сообщение произвело настолько сильное впечатление, что в срочнейшем порядке были отправлены в Восточную Пруссию и Силезию пулеметы, колючая проволока, ручные гранаты. Одновременно были начаты переговоры со «Стальным шлемом» о мобилизации его членов.

---

[5] Бендлерштрассе – улица, где находится германское военное министерство.

Все это оказалось мистификацией, и Николаи был сильно скомпрометирован. Я лично все же считаю полковника блестящим организатором разведки и контрразведки. У него, правда, не особенно развиты аналитические способности, это и является причиной его частых неудач.

Таким образом, полковник Николаи теперь, видимо, играет руководящую роль в гестапо, и я имею честь быть им принятым.

Штеффен, твои акции бурно поднимаются: с тобой говорят высокие господа. Тут надо быть настороже; смотри, Штеффен, не снаивничай и не просчитайся.

– Итак, вы меня знаете, господин Браун. Что касается меня, то я до сих пор не знал вас лично, но зато кое-что о вас слышал, да, кое-что… Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю, господин Браун? Теперь мы знакомы и поговорим о деле. Господин доктор, разрешите мне объяснить нашему другу Брауну, что мы от него хотим и зачем мы его пригласили в Берлин.

Видите ли, мы очень высокого мнения о ваших способностях и возлагаем на вас некоторые надежды. Мы вас не торопили и предоставили вам достаточно времени для подготовительной работы. Теперь мы считаем, что наступило время дать вам серьезные поручения. Вы понимаете, конечно, что нас в первую очередь интересуют коммунисты, все остальные, по существу, не играют серьезной роли. Пацифисты, демократы и прочие в общем безобидный народ.

Кое-кто из эмигрантов нам действительно вредит, но мы это ликвидируем тем или иным путем, а вот коммунисты остаются. Нам сообщали из Парижа, что вы как-то избегаете расширять свои связи в сторону коммунистов. Чем это объясняется?

– Видите ли, господин полковник, я откровенно признаюсь, что к коммунистам мне до сих пор не удавалось подойти.

– Это печально, но вы все-таки на обратном пути попробуйте в Сааре с ними снюхаться. У вас, правда, в манерах и внешности есть нечто такое, что должно не нравиться коммунистам. Если из этого ничего не выйдет, то у нас есть для вас другое очень ответственное поручение. Вам говорит что-либо имя Людвига Арнольда? Это одна грязная каналья, за которой я охочусь уже пятнадцать лет.

– Да, я знаком с ним и по своей инициативе постарался сблизиться.

– Вы предусмотрительны, – сухо заметил Николаи. – Постарайтесь углубить ваше знакомство с Арнольдом и завоевать его доверие.

– Простите, господин полковник, но для этого нужны деньги и время.

– Первое у вас будет, второго у нас меньше. Помните, что этот негодяй чертовски осторожен, мы к нему уже подсылали людей, но ничего из этого не получилось.

– Хорошо, допустим, я войду в доверие к Арнольду, что мне нужно будет делать потом?

– Вы слишком любознательны, господин Браун, это не всегда полезно.

– Не будем предвосхищать событий, – добавил своим хриплым голосом Банге. – Когда надо будет, к вам приеду я или человек, посланный мною.

– Но помните, Браун, – вновь вмешался Николаи, – что мы придаем большое значение Арнольду и вашим хорошим отношениям с ним. Главное, никакой поспешности, излишнего рвения и темперамента, времени не теряйте, но и не спешите.

– В таком случае пусть меня не торопят ваши люди в Париже.

– Будьте совершенно спокойны, Форст гораздо умнее, чем вы думаете.

Теперь удобный момент для того, чтобы рассказать историю с распиской на шесть тысяч франков, но немедленно вслед за этим я отказываюсь от этого намерения. Сам Николаи тоже не совсем чист на руку и во время войны приобрел недурное имение. Кроме того, рискованно портить себе отношения с Форстом, ведь фактически я от него завишу.

Черт с ним, отложим разговор о Форсте на будущее. Мне, конечно, плевать на моральную сторону дела, но я очень люблю доставлять неприятности людям, в особенности пренебрежительно ко мне относящимся. Из-за этого я даже иногда наносил себе ущерб.

В этот момент Николаи подходит к Банге и шепчет ему несколько слов на ухо. У меня тонкий слух, но я улавливаю лишь слова – «пусть на него посмотрит». Банге кивает и нажимает кнопку на столе. Входит молодой человек с бегающими глазами и маленькой головой.

– Позовите Пауля.

Через минуту в кабинете появляется прекрасно одетый широкоплечий человек с военной выправкой; лицо у него на редкость невыразительное, даже тупое, взгляд неподвижный и тяжелый.

– Вот что, Браун, запомните Пауля, и если он к вам обратится, то, где бы вы ни находились, выполняйте его распоряжения.

Я внимательно всматриваюсь в это лицо; его легко запомнить, несмотря на редкую невыразительность, впрочем, может быть, именно благодаря этому.

После этого Банге спросил меня, не имел ли я каких-либо поручений от эмигранта из Парижа. Я вспомнил об адвокате Бюркеле и данном мне поручении.

Банге нахмурился:

– Хорошо, что я вас об этом спросил, Браун. Бюркель арестован уже десять дней назад, за его квартирой установлено наблюдение, и, если бы вы туда позвонили, вас бы немедленно арестовали, что имело бы неприятные последствия для вас и для нас. Для вас – поскольку вам пришлось бы подвергнуться двум-трем допросам, до того как я узнал бы о постигшей вас неудаче. Для нас – поскольку вас пришлось бы продержать месяцев пять в «Колумбия-хауз» и потом организовать вам побег.

– Как же мне быть с поручением к Оскару Бюркелю?

– А знаете – это даже удачно. Накануне вашего отъезда, то есть послезавтра, заходите ко мне еще раз. Этот идиот Бюркель может еще вам пригодиться. А теперь вот что, Браун. У меня сегодня маленькое семейное торжество; приходите ко мне после одиннадцати часов. Я живу на Оливаштрассе. Вы ведь, кажется, любите невинные развлечения. Что?

Я поблагодарил и встал, собираясь уходить.

– Вот вам пятьсот марок, больше вам не надо, так как вы пробудете здесь только два дня, а марки, как вы знаете, запрещено вывозить за границу. Итак, до скорого свидания.

Я вышел из кабинета и отправился обедать к Борхардту.

Сидя за столиком, я подытоживал свои впечатления. Этот Николаи большая бестия и вначале бросил мне угрожающий намек. Банге как-то более уютен, но он, видно, ниже рангом полковника.

Что касается данных мне заданий, то с коммунистами вряд ли что выйдет, у меня с ними как-то не вытанцовывается. Попробуем все же разыграть комедию в Саарбрюккене.

Вот этого Арнольда я рассчитываю неплохо обставить.

Они явно хотят с ним проделать большую операцию, в чем дело, однако, пока неясно…

Тебе все же, бедный Штеффен, придется так или иначе подложить Арнольду свинью, но ты не должен огорчаться, он ведь убежденный человек и, следовательно, должен мириться с проистекающими отсюда неприятностями. У тебя же в жизни ничего нет, кроме самого себя, и ты, Штеффен, должен позаботиться о себе, о единственном.

Пятьсот марок – это немного, но на один вечер хватит с избытком, ведь сегодня я на вечеринке у Банге. Кстати, зачем он меня позвал? Может быть, он хочет напоить меня и потянуть за язык, а быть может, хочет меня кое-кому показать. Вероятнее всего, что он просто пригласил меня без определенной задней мысли.

– Кельнер – рюмку бенедиктину и одну импортную.

Я долго выбираю из нескольких коробок сигару.

Меня интригует эта семейная вечеринка.

Я выхожу из ресторана и направляюсь на Лейпцигерштрассе. Опять группы штурмовиков; один меня толкает локтем в грудь и называет «еврейской свиньей». Вот это номер, ведь я

чистокровный немец! Впрочем, ручаться нельзя: может быть, моя бабка или прабабка, плохо знакомые с расовой теорией, проявили недопустимый либерализм. В результате у меня в лице появились неуловимые черты, вызвавшие соответствующую реакцию у штурмовика. Я, правда, мог бы ему объяснить, что много лет назад мой череп щупал старый профессор, специалист по вопросам расы, и признал меня арийцем. Но я предпочитаю не вступать в дискуссию на эту тему со штурмовиком на улице.

На углу Лейпцигерштрассе и Фридрихштрассе я ловлю направленный на меня пристальный взгляд. Вижу удивленное лицо старого знакомого. Как это он еще не в концентрационном лагере? Он смотрит на меня и колеблется, подойти или нет. Я едва заметно даю головой отрицательный сигнал. Мой знакомый немедленно исчезает за углом.

Часа через два захожу в кафе выпить кофе.

К столику подходят двое в коричневых рубашках, у них кружка для сбора денег; они предлагают какие-то жестяные булавки со свастикой. Я опускаю в кружку марку. Штурмовики изумлены моей щедростью, и я получаю звание «партейгеноссе».

Итак, только что я был «еврейской свиньей», а теперь реабилитирован, и все это за одну марку…

У соседнего столика сидит пожилой человек с лицом профессора; коричневые рубашки протягивают ему кружку; он делает вид, что не замечает, и углубляется в газету.

Штурмовик встряхивает кружку, звенят монеты. Штурмовики отходят в сторону и садятся за столиком у выхода.

Понятно, они пойдут за профессором. Смелый старикан, но дурак, я бы на его месте опустил три пфеннига, и все было бы в порядке…

В одиннадцать часов я звоню в квартиру Банге. В передней несколько шляп и черных кепи охранных отрядов.

Вхожу в прекрасно обставленную гостиную. Сильный свет, яркие краски, рябит в глазах. Мне навстречу идет Банге, берет под руку и вводит в соседнюю комнату.

Невероятно накурено, грубые голоса, женский писк и взвизгивание. За столом сидят человек шесть мужчин, у всех красные, потные лица, некоторые без пиджаков. Несколько очень недурных девчонок ведут себя без стеснения.

Меня усаживают, знакомят с мужчинами, с девицами я знакомлюсь сам. Через несколько минут я чувствую себя в своей тарелке и не теряю времени…

Я проснулся в двенадцать часов дня в своем отеле на Тауенцienштрассе. Откровенно говоря, я очень неплохо провел ночь…

Ну и свинья же этот Банге! Все было весьма мило, только я никогда не был поклонником маркиза де Сада. Я в своей жизни изучил не один притон, но такого свинства я не видел. Мне даже делается жалко, что я завтра уезжаю. Они ведь сговаривались еще об одной «семейной вечеринке».

Голова трещит, во рту отвратительный вкус. Принимаю таблетку неуранидала, лезу под душ, чувствую себя бодрее. Весь день фланирую по улицам. Сижу в кафе. Вечером отправляюсь, как условился накануне с Банге, на Бюловштрассе.

У Банге помятое и зеленое лицо, желтые глаза. Он на меня тупо смотрит, потом вспоминает:

– Так вот что, Браун, нужно будет организовать вам нелегальный переход границы. Это звучит очень романтично и пригодится вам.

– Но я ведь не знаю, где перейти границу.

– Вам не о чем заботиться, все будет организовано. В одном купе с вами будет ехать мой приятель, он все устроит. Вам нужно лишь выйти из вагона на последней германской станции

перед границей. Билет вам даст мой секретарь, когда вы выйдете от меня. Помните о разговоре с полковником и о том, что нас интересует.

Вчерашняя «вечеринка» дает себя знать, я решаю никуда не ходить, а спокойно отдохнуть у себя в номере. Правда, у меня есть пятьсот марок, и неизвестно, что с ними сделать. Решаю купить себе золотые часы, несессер и что-нибудь еще в этом же роде.

Еще днем я купил в киоске детективный роман Уоллеса и у букиниста книгу Томаса Манна «Волшебная гора». Лежа в постели, пробую читать Уоллеса. Скучная чепуха. Авторы детективных романов страдают одним и тем же крупным недостатком – отсутствием фантазии. Существует неизменный трафарет, изредка изменяются детали.

Вообще я заметил, что детективной литературой, романами, посвященными шпионажу, увлекаются люди самых неромантических профессий: тайные советники, профессора, бухгалтеры, педагоги. Это совершенно понятно. Но для человека, знающего, как мало романтики в шпионаже, сыскном деле и т. п., этот вид литературы невыносимо скучен.

Пробую читать «Волшебную гору», она меня захватывает.

Это страшная книга. Ее лейтмотив – гниение и смерть, а я этого чертовски боюсь. Хочется бросить книгу, но в то же время она притягивает к себе.

Я считаю, что наука совершила колоссальное преступление перед человечеством, лишив его веры в провидение и загробную жизнь. По существу, нет ничего блаженнее жизни верующего человека, который до пятидесяти лет грешит сколько влезет, а потом начинает творить добрые дела, умиленно молится, вступает в непосредственный контакт со Всевышним и спокойно умирает, уверенный, что его ждет неплохая жизнь и в царстве теней. Нам же, давно потерявшим веру, приходится грешить до конца дней и умирать без всякой надежды сыграть в покер с Радамантом или апостолом Петром.

Ночью, под влиянием отвратительной книги и собственных философских размышлений, меня мучают тяжелые сны. Я в особенности отчетливо запомнил, как меня подвергли операции, забыв предварительно усыпить, как я чувствовал невыносимую боль, но от ужаса не мог произнести ни слова и только едва заметно шевелил губами. Хирургом, кстати, был полковник Николаи.

7

Я в купе второго класса. Укладываю новенький, только что купленный у Розенгейма саквояж на сетку. Сажусь у окна. Оказывается, гестапо позаботилось даже об удобном месте для тебя, Штеффен, а ты всего этого не ценишь.

Поуютнее усаживаюсь, осматриваю своих соседей, – их пятеро. Кто из них приятель Банге? Мой визави – пожилой человек с болезненным и утомленным лицом. Это, конечно, не он.

Направо от меня сидит блондинка лет двадцати пяти, у нее смазливая мордашка, соблазнительная фигура, надушена моими любимыми духами. Вот только ноги у нее далеко не первоклассные. Короткая и широкая ступня, низкий подъем, икры, однако, недурные. Девицей я, впрочем, займусь попозже, раньше необходимо найти приятеля.

Рядом с блондинкой сидит человек в сером костюме и коричневых перчатках. Он читает иллюстрированный журнал и, видимо, целиком поглощен им. Вскоре он ловит мой взгляд и несколько секунд смотрит на меня, без особого, впрочем, интереса. Лицо самое заурядное, как будто созданное специально для примет в паспорте. Не исключено, что это он и есть.

Напротив сидят еще двое: один, видимо, иностранец, читает книгу на голландском языке, другой небольшой подвижной человек со знаком свастики в петлице. Он беспрерывно ерзает, часто поглядывает на меня. На первый взгляд это и есть мой приятель: лицо у него полицейское, свастика, – но я уверен, что это не он – этот слишком суетлив и слишком похож на шпика.

В углу у дверей сидит пожилая дама, она в счет не идет.

Итак, следует считать, что приятель Банге – молодой человек в сером костюме с заурядным лицом.

По-видимому, проблема разрешена, и я могу спокойно заняться соседкой, которая уже проявляет явные признаки недовольства: она раздраженно пудрит себе нос и подкрашивает губы. Когда я к ней наклоняюсь, она демонстративно поворачивает голову к окну. Я достаю портсигар, – не возражают ли уважаемые дамы?

Пожилая, у двери, бормочет что-то нечленораздельное, моя же соседка, оказывается, даже любит дым хорошей сигары.

– Фрейлейн, конечно, едет в Париж?

– Почему же «конечно»?

– У фрейлейн чисто парижский тип.

– Вот как, это забавно, я ведь в первый раз еду в Париж и так счастлива.

Девица немного провинциальна, но заслуживает внимания, надо будет в Париже ее разыскать.

В вагоне-ресторане обедаем вместе, ведем переговоры при помощи ног. Девица пытается заплатить за себя, я закрываю ее сумочку. Она не протестует и с угнетенным видом подчиняется.

Мы опять в купе, все темы для беседы с моей соседкой исчерпаны, и я, несмотря на всю свою находчивость, бессилен что-либо выдумать. Делается скучно, и время течет очень медленно.

Но вот наступает ночь, входит пикколо и предлагает бутерброды, апельсины, папиросы. Проводник предупреждает, что часа через полтора мы приезжаем на границу.

– Значит, скоро моя станция?

– Через полчаса.

Я опять вспоминаю о своих соседях. Вертлявый человек со свастикой пристально смотрит на меня. Неужели это он?

Прощаюсь со своей соседкой. Она спрашивает, почему я выхожу на этой станции. Объясняю, что еду к брату, живущему здесь. Еще несколько минут. Выхожу в коридор. Интересно, кто за мной последует. Пока я один. Поезд останавливается. Спускаюсь на перрон – никого нет.

Вот так история! Банге, очевидно, напутал. Что же я буду делать на этой дурацкой станции? Машинально хочу вернуться в вагон, но вспоминаю, что у меня нет визы. Чувствую все нарастающее раздражение и беспокойство. Вот что значит иметь дело с пьяными идиотами! Теперь меня случайно арестуют, и начнется путаница.

Поезд трогается и медленно исчезает.

Вдруг у меня за спиной:

– Простите, господин Браун, я немного задержался.

Это оказывается иностранец с голландской книжкой. Я грубо ошибся. Кому-кому, но мне должно быть стыдно: меня разыграли как желторотого птенца. Несмотря на это, я чувствую прилив бодрости, хочется взять под руку «голландца», громко свистеть. Словом, реакция на испытанное беспокойство.

Мы выходим на улицу. Нас ждет закрытая машина. Садимся. Машина срывается. Из окна ничего не видно. Едем мы около часу. Мой спутник молчалив, и разговор не налаживается. Я терпеть не могу молчания. Машина останавливается. Мы выходим. К нам приближается человек в военной форме. Мой спутник обменивается с ним шепотом несколькими фразами, тот берет под козырек и отходит.

«Голландец» возвращается ко мне:

– Так вот, господин Браун, вам придется пойти по этой дорожке пешком, минут через десять – пятнадцать, когда услышите сзади выстрелы, – бегите, пока не наткнетесь на саарских пограничников. А там вы сами знаете, что нужно делать. Кстати, вам придется оставить свой саквояж, вам его пришлют позже. Вы сами понимаете, что с чемоданом не переходят нелегально границу.

Откровенно говоря, мне это очень не нравится: саквояж и его содержимое для меня безвозвратно погибли. Я очень консервативен и неохотно расстаюсь со своими вещами. Господин Форст, вам этот саквояж обойдется очень дорого, вы подпрыгнете, когда увидите мой счет.

– Да, я едва не забыл, господин Браун: доктор Банге поручил передать вам этот конверт, там, кажется, деньги. Ну а теперь вам нужно отправляться, время самое подходящее: не особенно темно, скоро будет светать. Счастливого пути!

Я иду сначала медленно, потом невольно ускоряю шаг.

Этот фокус со стрельбой мне абсолютно не нравится: беги и жди, что какой-нибудь дурак тебе нечаянно влепит заряд в спину. Проходит, по-видимому, около десяти минут. Вдруг сзади выстрел, еще два. Я бегу.

Крик:

– Стой!!

– Что здесь происходит?

– Я перебежал границу, и за мной гнались.

– Значит, это в вас стреляли?

– Да, в меня.

– У вас есть документы?

Я предъявляю паспорт на имя Мюллера.

– Отчего же вы не поехали, как все нормальные люди, поездом?

– У меня были свои соображения.

– Ну, пойдемте со мной.

Дальнейшая процедура очень проста: показываю документ, доказывающий, что я пользуюсь правом проживания во Франции, получаю удостоверение, что был задержан при переходе границы.

Плачу сто франков штрафа и оказываюсь на свободе.

Через два часа я сижу в поезде, идущем в Саарбрюккен.

Я счастлив, что все благополучно закончилось и романтическое приключение осталось позади, а я спокойно сижу в купе второго класса. Вынимаю пакет, данный мне на прощание «голландцем», пересчитываю деньги – четыре тысячи франков. Что же, я собираюсь прожить в Саарбрюккене дней пять, а потом дня три в Страсбурге.

Денег хватит. Господин Банге, вы – джентльмен. И о вас у меня осталось хорошее впечатление, господин с голландской книгой. Только я забыл спросить вас, читаете ли вы действительно по-голландски.

Я насвистываю веселый мотив. Мои соседи на меня удивленно смотрят.

Я в Саарбрюккене – одном из самых забавных уголков Европы. Здесь причудливо скрещивается покойная веймарская Германия со здравствующей Третьей империей. Жизнь проходит под знаком предстоящего в ближайшем году плебисцита. Идет ожесточенная политическая борьба. Меня чертовски смешат эти демократы и католики, они прекрасно знают, что Саарбрюккен будет германским, но в то же время в глубине души надеются на чудо.

Я встречаю двух знакомых по Парижу эмигрантов. Прошу помочь мне выехать из Саарбрюккена. Меня расспрашивают. Сначала отмалчиваюсь, потом начинаю рассказывать: я нелегально ездил в Германию в связи с одним делом.

Сначала все шло прекрасно. Мне, однако, дали в Париже одно дурацкое поручение. Я посетил адвоката Оскара Бюркеля, которому должен был кое-что сообщить. Я отправился к нему на квартиру. Едва не попал в засаду. С большим трудом выбрался, два дня скрывался у приятелей и после очень неприятных передряг добрался до границы. Ночью я ее нелегально перешел, подвергся жестокому обстрелу и ползком добрался до пограничного поста на Саарской территории.

Для большей убедительности я показываю удостоверение о нелегальном переходе границы. На меня смотрят с уважением и сочувствием.

В тот же день отправляюсь в саарбрюккенский комитет коммунистической партии. Рассказываю о происшедшем со мной, о моей антифашистской деятельности, о связях, которыми я располагаю, в особенности в Лондоне. Я ни на что не претендую, но хотел бы быть полезен делу борьбы с фашизмом. Я убежден, что компартия является основным фактором в этой борьбе. Потом перехожу к своим политическим взглядам, исканиям.

Меня внимательно слушают, изредка задают вопросы.

Мне начинает казаться, что я применил правильную тактику и добился положительных результатов. Кажется, Банге будет мною доволен. Ну, для первого раза хватит.

Один из коммунистов, молодой парень с руками рабочего и тонким лицом, догоняет меня на улице. Нам, оказывается, по дороге. Заходим выпить по кружке пива. Мы мирно сидим за маленьким столиком, покрытым клеенкой (я, кстати, терпеть не могу запаха клеенки). Я рассказываю о своих планах, излагаю свою оценку политических событий. Мой собеседник молча слушает. Вдруг он останавливает меня и спокойно вполголоса говорит:

– Вас, Штеффен, плохо проинструктировали, от вас за несколько километров пахнет духами гестапо.

Я возмущен и оскорблен.

– Вы, Штеффен, совершенно напрасно теряете время, с нами у вас ничего не выйдет. Вот наивных демократов или пацифистов вам, к сожалению, удастся обработать. Во всяком случае, я вам рекомендую отсюда убираться, иначе могут получиться неприятности.

Подозвав кельнера, коммунист платит за пиво и уходит.

Я громко говорю ему вдогонку:

– Вы еще пожалеете, безмозглый дурак.

Я так и ожидал, у меня с этими грубыми скотами ничего не выходит. Тоже мне, новые Макиавелли и Игнации Лойолы – читают в сердцах! Нет, с первым поручением полковника ничего не выйдет. Я думаю, что у меня слишком интеллектуальные внешность и психология для этих узколобых сектантов. Я чувствую, как во мне нарастают озлобление и ненависть.

Впрочем, действительно нужно отсюда уезжать, чтобы не нарваться на большую неприятность.

На другой день я получаю деньги на билет до Парижа.

Благодарю своих эмигрантских друзей и прошу их никому не говорить о моем пребывании здесь: я не хотел бы, чтобы об этом узнали местные коммунисты – их организация полна агентов гестапо.

В Страсбург я решаю не заезжать. У меня теперь упадок энергии и сил, я не могу забыть разговора с коммунистом.

Нет, Штеффен, теперь тебе нужно развлечься и отдохнуть. Не будем торопиться. Ты, мой мальчик, ведешь рискованную игру, смотри не просчитайся, а главное, не падай духом.

Опять парижские улицы, специфический запах великого города. В течение нескольких дней я обхожу моих знакомых, рассказываю им о своей поездке, вздрагиваю при воспоминании о погоне и выстрелах на границе. Устраиваю головомойку приятелю, давшему мне поручение к Бюркелю. Тот уже знает об этом аресте, сконфужен и огорчен, просит извинить его.

– Дело не в извинениях, а в том, что мне долго нельзя будет показать носа в Германию, – укоризненно констатирую я.

На другой день вечером я звоню к уважаемому доктору Мейнштедту. Прохожу в кабинет к Форсту.

– Ну, как съездили, Браун? Со щитом или на щите?

Рассказываю о данных мне поручениях, о разговоре с Николаи и Банге. Для Форста это, очевидно, является новостью. У него приподнимается сначала правая бровь, потом левая. Это признак удивления, смешанного с недоверием. Когда я рассказываю Форсту о романтическом переходе границы, он язвительно улыбается и спрашивает:

– Что, спина чесалась, боялись получить пулю в зад, Браун? Что?

Меня это взрывает, и я ехидно отвечаю:

– Конечно, господин Форст, я очень волновался, но меня больше всего беспокоило, что в случае, если со мной случится неприятное недоразумение, я не смогу вам писать расписок и благодаря этому уменьшатся ваши доходы.

У Форста судорожно сжимаются губы.

– Слушайте, Браун, я вам даю искренний совет: не шутите со мной. Вы меня плохо знаете, иначе были бы осторожнее. Почти все те, кто когда-либо позволял себе со мной шутки, теперь сидят в концентрационном лагере. Некоторых же в виде особой чести я сам допрашивал. Не завидуйте им, Браун, зависть – большой порок.

Я чувствую неприятное ощущение – как будто у меня по руке проскользнула ядовитая змея. Я недооценил этого человека. Он опаснее, чем я предполагал. Я ясно читаю в его глазах злобу, жестокость, мстительность. Да, попасть в руки этого параноика – небольшое удовольствие. Я вспоминаю, как один национал-социалист, очевидно, такой же тип, убил человека за то, что тот двадцать лет назад доставил ему неприятность.

Если бы нашелся психиатр с беллетристическим талантом, он мог бы написать прекрасную книгу под названием «Третья империя и паранойя».

Я вспоминаю, как мой новый друг, Людвиг Арнольд, объяснял победу национал-социализма и секрет его влияния на массы: бывают периоды, когда целые народы после больших потрясений подвергаются психическому заболеванию, некоторое время носящему скрытый характер. Стоит появиться психопату большого калибра, обладающему в то же время большим запасом хитрости и ловкости, человеку типа Петра Амьенского, и он может повести огромное

число людей в крестовый поход, на религиозную войну, на массовое истребление. На этой же базе строится Третья империя. Арнольд при этом заметил, что коммунисты считают его теорию несерьезной. Откровенно говоря, я не могу о них вспомнить без раздражения.

Но я отвлекся от основной темы. Я смотрю на лицо Форста и думаю: «Я с вами действительно не буду больше шутить, – вы лишены чувства юмора. С другой стороны, однако, нельзя показать, что я вас побаиваюсь».

– Видите ли, господин Форст, когда я беседовал с доктором Банге и полковником Николаи, то они сказали, что вы будете всячески помогать мне в моей очень серьезной работе, вы же меня нервируете. Не забудьте, что мне нервная энергия нужна больше, чем вам, спокойно сидящему в мягком кресле.

Моя наглость действует, как удар хлыстом. Форст бледнеет.

Теперь надо смягчать.

– Главное, господин Форст, нам не из-за чего ссориться. Я, кстати, очень расхваливал вас в Берлине, а вы из-за безобидной шутки полезли на стенку. Давайте мириться, и будем, как прежде, добрыми друзьями.

Лицо этой крысы меняется, как маска, и делается любезно-сладким.

– Я тоже пошутил, Браун. Ну и оригинал же вы! Перейдем, однако, к делу. Что вы предполагаете делать в ближайшем будущем?

– Напишите в Берлин, что я больше к коммунистам даже не сунусь, так как из этого ничего не выйдет, кроме того, что я буду скомпрометирован. Я лучше основательно займусь Арнольдом.

– Ну, желаю вам удачи. – И Форст машет мне кистью руки: так любящие мамаши, уходя, прощаются со своими детками и при этом еще говорят «па-па».

«“Па-па”, господин Форст. Вы не знаете, как расценить мою наглость, и опасаетесь, что у меня сильная рука в Берлине. Но я с вами все-таки не буду ссориться, мой дружок. Нужно будет преподнести вам хороший сувенир».

Что бы могло понравиться этому милому современнику?

Идея! Прекрасный порнографический альбом с учетом его особых вкусов. Такого, какой я ему раздобуду, он сам в жизни не найдет.

Да, дорогой Форст, вы получите прекрасный подарок и в минуты отдыха будете развлекаться невинными картинками. Вам это полезно, господин начальник.

Я отправляюсь в редакцию «Паризер тагеблатт», нахожу там нескольких приятелей, расспрашиваю, когда должен приехать в Париж Арнольд. Оказывается, его ждут через неделю. Узнаю, где его можно найти. У меня несколько свободных дней. Необходимо отдохнуть.

– Поедем, Штеффен, в Дьепп. Мы с тобой любим соленый воздух, запах моря, розовые закаты. Еще приятнее, конечно, лежать в шезлонге и осматривать женщин в купальных костюмах, это настраивает на поэтический лад.

В первый же день моего отпуска я изучаю публику на террасе кафе, посасывая сквозь соломинку гренадин. За соседним столиком сидит смуглая худощавая дама далеко не первой молодости. Она прекрасно одета, в ушах сверкают бриллиантовые серьги, на руках кольца и браслеты. Несомненно – Южная Америка. Дама пристально на меня смотрит. Это становится интересным. Браво, Штеффен, ты еще нравишься пожилым женщинам, они более строгие ценительницы, чем молодые девицы.

– Гарсон, за этим столиком дует.

– Остальные все заняты.

Я приближаюсь к южноамериканской даме:

– Простите меня за беспокойство, но я очень чувствителен к ветру, – не разрешите ли вы мне присесть на несколько минут за ваш столик?

– Пожалуйста, здесь много места.

Из сумочки торчит угол конверта; так оно и есть: бразильская марка.

– Мадам давно из Бразилии?

Изумленно приподнятые брови.

– Каким образом вы угадали?

– Я был в Бразилии, влюблен в эту страну и в особенности в ее женщин. Я в вас сразу узнал бразильянку.

– А вы англичанин?

– Нет, я немец.

– Вы спортсмен?

Дама из Бразилии опытным взглядом рассматривает меня; ее глаза ощупывают мою мускулатуру.

– Мадам танцует танго? Ну, конечно, мадам из Бразилии…

– Господин Штеффен, вы прекрасно танцуете и у вас мужественный профиль.

Берегись, Штеффен, твоей невинности угрожает большая опасность…

Откровенно говоря, мой отпуск был основательно испорчен этой пылкой дамой. Но Штеффен обычно не делает глупостей и не тратит напрасно времени и сил. Уже на второй день бразильская дама сообщила мне, что она вдова и богатая женщина. Надо будет это проверить. Во всяком случае, я держу себя джентльменом: плачу за нее в ресторанах и кафе. Сначала она очень изумлена, так как, очевидно, приняла меня за солидного жиголо. Накануне моего отъезда в Париж уславливаемся о встрече.

Что же, в жизни все быстро изменяется, все течет и движется, и богатая бразильянка может когда-нибудь пригодиться, несомненно, так же, как и я ей. Будем поддерживать эту связь, такие инвестиции часто приносят большую ренту. Может быть, ты, Штеффен, еще раз очутишься в Бразилии, но уже на другом амплуа. Ты совершенно прав, Штеффен, нельзя все ставить на одну карту. Конечно, старушка будет тебя стеснять, с этим придется примириться.

Все в этой жизни имеет теневые стороны; дураки ухитряются постоянно оказываться в тени, одаренный же человек удачно комбинирует свет и тени.

До скорого свидания, друг моей души, твой Штеффен тебя не забудет.

Я уславливаюсь с Арнольдом о встрече, он уже, оказывается, три дня в Париже. Мы сидим за столиком в почти совершенно пустом маленьком кафе.

Малыш спрашивает:

– Я слыхал, что вы ездили в Берлин и едва оттуда выбрались. – Во взгляде сверкает искорка недоверия. – Зачем вы туда ездили, Штеффен?

– Видите ли, Арнольд, я с вами буду откровенен. Дело в том, что у меня немного политических убеждений, но к числу их относится непримиримая ненависть к военщине, к казарме. Если бы вы видели, во что превратил Гитлер Германию! Это форменный экзерцир-плац. Я убежден, что в Германии теперь еще больше, чем раньше, всем вертят генералы с Бендлерштрассе. Вот кто главный враг. Я против войны не потому, что я пацифист, но просто из трусости; а именно трусость иногда делает людей храбрыми. Я в своей жизни сталкивался с военными самых разнообразных национальностей, но более беспощадной и жестокой разновидности человечества, чем немецкие генералы, я не могу себе представить. Они не способны мыслить другими категориями, нежели солдатскими. Они еще сумеют удивить наш мир, разучившийся удивляться.

– А зачем вы все-таки ездили в Берлин, Штеффен?

– То, что я вам только что сказал, как раз и должно было объяснить вам мою психологию. Меня многие считали легкомысленным и несерьезным человеком. Может быть, это и было верно, но ведь человек меняется, в нем доминируют те или иные центры. Если бы я захотел, я мог бы быть с победителями и участвовать в дележе добычи. Я чистокровный ариец и мог бы

это доказать легче, чем, скажем, Геббельс. Я происхожу из военной семьи и знал многих людей из теперешней национал-социалистической верхушки. Словом, я мог бы сделать карьеру хотя бы в качестве журналиста. В этом деле я дал бы сто очков вперед гитлеровским пачкунам. Вы не будете спорить, что у меня острое перо и превосходный стиль. Я далеко пошел бы в министерстве пропаганды. Наконец, я благодаря полученному наследству располагаю некоторыми средствами и мог бы спокойно жить без волнений и забот. Вместо этого я веду жизнь политического эмигранта, рискую собственной шкурой. Странно, не правда ли?.. Я сам не вполне ясно понимаю руководящие мною мотивы. Иногда мне кажется, что это романтическая склонность к приключениям, погоня за переживаниями. Ведь ни один народ не дал миру столько авантюристов, как наш, немецкий. Правильнее, однако, сказать, что это у меня республикански-демократический атавизм: ненависть к тем, кто пытается подавить мою волю. Если бы вы знали, Арнольд, какую злобу чувствовал я при виде штурмовиков на улицах Берлина, их наглых рож и крутых задов, обтянутых галифе! Кстати, у меня есть нюх, и я чувствую, что там скоро будет грызня.

– Вы что-нибудь знаете? – спрашивает Арнольд.

– Я кое-что слышал, – уклончиво отвечаю я. – Говорю это на всякий случай. Все это мои собственные комбинации, но у меня действительно есть нюх на такие вещи, и мои выдумки часто оказываются очень удачными.

Через три недели происходят события 30 июня – убийство Рема и других. Получаю записку от Арнольда, он опять в Париже. Мы встречаемся в том же кафе.

– Знаете, Штеффен, у вас, видно, есть хорошие источники информации. Жалко, что вы не сказали мне, в чем дело, я бы это использовал.

– Этого-то я и не хотел, нужно было предоставить событиям естественно развиваться.

– Знаете, Штеффен, я начинаю вас уважать; в то же время, однако, мне кажется, что вы не умеете рационально использовать свою информацию.

– Не думаю; у меня за границей имеются недурные связи, в частности, я хорошо знаком с Уикхэмом Стидом.

– Вот как, а я давно стремился установить с ним деловые отношения, моя информация несомненно заинтересовала бы его.

– Я вам смогу быть полезен, Арнольд. Кстати, как идет ваш бюллетень?

– Перепечатывают его довольно часто, но платных подписчиков у меня мало. Я выпускаю его кустарным образом, а это плохо отражается на своевременности информации.

Я предлагаю Арнольду найти ему нескольких платных подписчиков. Он смущен. Этот смелый и настойчивый человек очень застенчив. Откровенно говоря, я чувствую к нему симпатию. Интересно, что предполагают сделать с ним мои берлинские друзья? Но в моем положении не приходится выбирать, нужно брать деньги там, где их находишь.

Прощаясь, я обещал Арнольду навестить его в Страсбурге и привезти кое-какую информацию. Как будто его недоверие ко мне улетучивается. Но это еще не все, с ним придется еще долго поработать.

В течение нескольких дней я почти не бывал у себя в отеле, так как познакомился с одной хористочкой, очень ею увлекся и в результате начал неглижировать своими обязанностями. Наконец, в один прекрасный день портье сказал мне: «Вас уже несколько дней разыскивает по телефону какой-то немец, не то дантист, не то массажист, я вам все забывал сказать».

Я спешу к телефону:

– Доктор Мейнштедт, я сегодня буду у вас. Да, у меня боль в зубе прошла, можно ставить коронку.

Через час я в кабинете у Форста.

Он с трудом сдерживает бешенство.

– Где вы, Браун, пропадаете по целым дням? Неужели вы думаете, что мы вам даем деньги только для того, чтобы вы бегали за всеми юбками в Париже?

– Я вас тоже могу познакомить кое с кем из них, господин Форст.

– Бросьте глупые шутки, нам нужно переговорить об одном очень серьезном деле. Вы способны что-нибудь соображать, Браун? Судя по выражению вашего лица, можно в этом усомниться.

– Будьте спокойны, я весь внимание.

– Так вот что, Браун. Вам придется проехаться в Чехословакию. Вы там бывали?

– Увы, никогда.

– Тем лучше. Вы поедете под фамилией Крюгер, но никто, абсолютно никто не должен знать, что вы выехали из Парижа. В этом деле требуется максимальная осторожность.

– Пока я все понимаю. Итак, идем дальше.

– Известен ли вам некто Рудольф Урбис?

– Директор франкфуртской радиостанции?

– Тот самый.

– Он ведь национал-социалист?

– Нет, ваши сведения очень устарели. Урбис – член «Черного фронта» и правая рука Отто Штрассера, который всегда ненавидел нашего фюрера, но теперь, после того как кокнули его братца Грегора, стал совсем бешеной собакой.

У нас есть очень точные сведения о том, что вблизи нашей границы в Чехословакии этот Урбис устроил небольшую радиостанцию и почти ежедневно в течение нескольких минут передает штрассеровские воззвания штурмовикам, оскорбляет наших вождей и тому подобное. Мы долго терпели этого прохвоста, но теперь, после измены Рема, деятельность Урбиса стала для нас невыносимой. У нас имеются, по-видимому, точные агентурные сведения, говорящие, что Урбис и его станция находятся в Штеховицах, в отеле «Загоржи». Сначала нас сбили с толку и сообщали нам, что Урбиса надо искать в деревне Загоржи. Ни на одной карте мы не нашли этой деревни, и только теперь выяснилось, в чем дело.

Итак, Вольфганг Крюгер, вы сегодня вечером выедете в Штеховицы, остановитесь в отеле «Загоржи», установите, действительно ли там находится Урбис. Проверьте, чем он там занимается, и самое главное – познакомьтесь с ним как можно ближе. Если вы обнаружите Урбиса и сумеете с ним сойтись – а это вы обязаны суметь сделать, – пошлите телеграмму в Варшаву по адресу, написанному на этой бумажке. В телеграмме должно быть сказано: «Вышлите деньги чеком».

– Если я вас, господин Форст, спрошу, к чему вся эта таинственность, вы, конечно, пройдетесь насчет моего любопытства, поэтому хочу лишь знать, до каких пор я должен торчать в этой дурацкой чешской дыре? Кроме того, мне нужно знать, за кого себя выдавать.

– Этому мне вас нечего учить, Браун; вы сами придумаете какую-нибудь версию. Что касается срока пребывания, то вы все узнаете на месте в нужный момент.

– Если вы думаете, что я стал умнее от ваших слов, господин Форст, то вы жестоко ошибаетесь. Пока все напоминает детективный роман.

– Словом, вы сегодня выезжаете.

– Я в этом не уверен: для того, чтобы отправиться в путешествие, хотя бы даже столь таинственное, нужно иметь деньги, а их-то у меня и нет.

– Но я ведь недавно дал вам две тысячи франков.

– Неужели вы думаете, господин Форст, что я за свой счет буду путешествовать по Чехословакии для того, чтобы поселиться в каких-то нелепых Штеповицах, нет, простите, Штеховицах. Я не люблю, когда меня считают наивным, доверчивым ребенком.

Форст бросает на меня злобный взгляд и шипит:

– Пишите расписку на пять тысяч франков.

– Простите, господин Форст, но мне не хватит двух с половиной тысяч.

– Вы опять начинаете свои идиотские шутки, Браун?

– Я абсолютно не предполагаю шутить, я хотел лишь написать вам расписку на десять тысяч франков.

– Пишите на восемь тысяч франков.

Я выхожу на улицу, напевая песенку о Мальбруке, собравшемся в поход. В кармане у меня пять тысяч франков.

Форст, видно, снизил свою ставку.

Я разрешил себе поездку в спальном вагоне, хотя Вольфганг Крюгер только скромный банковский чиновник. В купе жарко, долго не могу заснуть, мой сосед гнусно храпит; мне хочется всунуть ему в горло носовой платок. Думаю о встрече с Урбисом. Будь я страховым агентом, я бы отказался выдать ему полис. Рекомендую вам, мой пока еще незнакомый друг, написать завещание. Я, собственно говоря, с интересом думаю о предстоящей операции. Главное – это должна быть тонкая и чистая работа.

Днем читаю иллюстрированные журналы, просматриваю газеты, позже направляюсь в вагон-ресторан. С аппетитом обедаю. Я, кажется, слишком много ем, у меня начинает расти брюшко. Это, Штеффен, не дело, тебе еще рано толстеть, ты должен заботиться о своей фигуре. Подумай, что скажут девицы; хотя, впрочем, некоторые авторитетно уверяют, что женщины любят толстых.

8

Вильсоновский вокзал в Праге. В моем распоряжении несколько свободных часов. Оставляю свой багаж на хранение.

Кстати, мой чемодан, оставленный в Германии на границе, довольно дорого обошелся Форсту. Он рвал и метал, когда я перечислял ему ценные предметы, находившиеся в чемодане. Он даже пробовал пугнуть меня тем, что запросит Берлин о содержимом моего багажа, оставленного на границе.

– Ничего из этого не выйдет, господин Форст.

– Почему?

– Да потому, что чемодан пропал.

– Откуда вам это известно?

– Я видел выражение лица моего спутника, любителя голландской литературы…

Итак, сдав вещи на хранение, я отправился осматривать город. Прага – это забавная смесь средневековой старины и современного. Прислушиваюсь к шипящему говору на улицах: «пшишли», «пшес», «ржикал». Закусываю в колбасном магазине «Земка» на Вацлавске намести. Это главная улица золотой Праги. Немцы называют эту улицу «Венцельплац». Я нигде не ел таких прекрасных сосисок и пирожных, как в Праге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.